

В лучших традициях всемирных бестселлеров
«Весь невидимый нам свет» Энтони Дорра
и «Татуировщик из Освенцима» Хезер Моррис!

ДОЧЬ РЕЙХА

РОМАН

ЛУИЗА ФЕЙН

Луиза Фейн Дочь Рейха

Серия «Азбука-бестселлер»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64129581

Дочь Рейха: Азбука, Азбука-Амтикус; СПб.; 2021

ISBN 978-5-389-19310-9

Аннотация

Лейпциг. Германия. 1930-е годы.

Хетти – истинная дочь своего народа. Ее отец – офицер СС, брат служит в Люфтваффе. А светловолосый, голубоглазый Вальтер, вроде бы истинный ариец, на самом деле еврей. И он выступает против всего, чему учили Хетти. Вспыхнувшая любовь к Вальтеру заставляет Хетти по-другому взглянуть на то, что происходит в Третьем рейхе. Она должна выбрать между верностью своей стране и чувством, которое может ее погубить...

«Дочь Рейха» – это завораживающая история о невозможной любви, действие которой происходит на фоне набирающего силу нацистского режима.

Впервые на русском языке!

Содержание

Пролог. Лейпциг	5
Лето 1929 года	5
Часть первая	12
7 августа 1933 года	12
17 сентября 1933 года	22
8 октября 1933 года	29
11 октября 1933 года	37
10 февраля 1934 года	47
11 февраля 1934 года	59
20 апреля 1934 года	66
19 августа 1934 года	79
10 сентября 1934 года	84
Часть вторая	95
31 мая 1937 года	95
25 июля 1937 года	104
3 августа 1937 года	119
7 августа 1937 года	130
8 августа 1937 года	146
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Луиза Фейн

Дочь Рейха

*Моим замечательным родителям, которые
всегда со мной*

*Те, кто забывает уроки истории, обречены на их
повторение.*

Уинстон Черчилль

Louise Fein

PEOPLE LIKE US

Copyright © Louise Fein, 2020

This edition is published by arrangement with Hardman and
Swainson and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

© Н. В. Маслова, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Пролог. Лейпциг

Лето 1929 года

Озеро лежит гладкое, будто шелковое, вода тихо плещет вокруг причальных опор. Узловатые доски под моими большими ногами толстые и теплые от солнца. На берегу Карл втискивается в купальные плавки под прикрытием полотенца, которое держит вокруг него мама.

– Осторожно, Хетти! – кричит Карл. – Здесь глубоко.

– Я только посмотрю. Хочу увидеть большую рыбу.

Мелкими шажками подхожу к самому краю причала и замираю, обхватив его пальцами ног. Потом приседаю, низко-низко, и заглядываю в глубину. Дна не видно. Может, его и нет. Может, вода зеленая, словно бутылочное стекло, доходит до самого центра Земли, а в ней затаились, выжидая своего часа, свирепые чудовища.

К причалу плывет Вальтер. Вот он руками загребает воду, поворачивается, ложится на спину, пальцы его ног светлеют над поверхностью, точно поплавки. Вальтер поднимает голову, улыбается мне, убирает с лица мокрые пряди волос. Жалко, что я не хожу на плавание, как Карл. Тогда бы я тоже рыбкай плескалась на глубине, а не барахталась на мелководье, сбивая себе пальцы об острые камни и поскальзываясь

на тине.

Со своего насеста я наблюдаю за Вальтером, который уплывает все дальше от берега. В какой-то момент перестаю его видеть: толстые деревянные опоры причала скрывают его от меня. Хочу подвинуться, чтобы снова найти Вальтера взглядом, но слишком наклоняюсь вперед и теряю равновесие. Машу руками, пытаюсь уцепиться за что-нибудь, но вокруг ничего нет, только воздух, и я лечу вниз, вниз, вниз.

Ударяюсь животом о воду: она, оказывается, твердая как камень. От неожиданности и холода вскрикиваю, но вокруг меня уже не воздух, а стоячее озеро.

– Помогите! – кричу я и отчаянно колочу по воде руками и ногами, полуслепая от мелькания света и теней вокруг меня. – ПОМОГИТЕ!

Но вода вскипает вокруг и смыкается над моей макушкой, и чудовища увлекают меня вниз, в свои глубинные зеленые логова.

В панике я барахтаюсь, отбиваюсь от них руками и ногами и вдруг оказываюсь на поверхности. Делаю вдох. Вдалеке слышны голоса. Я все еще бьюсь, но напрасно: мне не удержаться на плаву. Голоса стихают, меня снова тянет ко дну. Легкие еще выталкивают крик, но вода – тошнотворная, липкая, густая – наполняет их, и я тону.

Меня обступает темнота.

Вдруг что-то скребет по моему костюму, царапая спину. Мое тело тянут вверх, и я оказываюсь на поверхности. Кто-

то держит меня, солнечный свет ослепляет, как вспышка молнии, я мучительно рыгаю и кашляю так, что кажется, будто у меня вот-вот лопнут бока. С болезненным вдохом воздух наполняет легкие, из носа льется вода. Тот, кто держит меня сзади, изо всех сил работает ногами, чтобы удержаться на поверхности нас обоих. Он пыхтит и даже постанывает от напряжения. Его руки поворачивают меня на спину, я чувствую под собой сильное тело. Моя голова больше не уходит под воду.

– Не надо сопротивляться, теперь с тобой ничего не случится. – Голос раздается прямо над моим ухом. Вальтер. – Мы плывем назад. – Согнутой в локте рукой он подхватывает меня под подбородок и тянет к берегу.

Я стараюсь лежать тихо, но вода затекает мне в уши, и я верчусь, а он, тяжело пыхтя, ритмичными рывками продолжает плыть на спине к берегу. Так мы достигаем мелководья. Неподалеку слышны чьи-то крики, плач. Вальтер такой крепкий и надежный. Он пытается высвободиться из-под меня, но я отчаянно льну к нему. Наши ноги запутываются, и мы идем ко дну.

– Все в порядке, здесь уже можно стоять, – говорит Вальтер и снова ставит меня на ноги.

Бугорки грязи вспухают между моими пальцами, когда я пытаюсь удержать равновесие, но не могу. Меня бьет дрожь, ноги не держат. Вальтер подхватывает меня, и я стою, приклонившись к нему. Горло горит от кашля. Из носа по-преж-

нему течет.

По мелкой воде от берега к нам бежит мама. У нее намочена юбка, но она, кажется, даже не замечает. Мама подхватывает меня, крепко прижимает к себе, и мы вместе бредем к берегу. Там она заворачивает меня в теплое полотенце.

– Хетти! Ты в порядке? – Карл тоже здесь – хлопает меня по спине, заглядывает в лицо. – Я же говорил тебе – осторожнее!

– О, моя бедняжка!

Не разжимая объятий, мама опускается на землю вместе со мной. Баюкает меня, словно младенца, а ведь мне уже целых семь лет. Мое ухо прижато к ее груди, я слышу дыхание – прерывистое, частое.

Рядом останавливается Вальтер, смотрит на нас. С него капает вода. Мама поворачивается к нему:

– Ты спас ее, Вальтер. Какое счастье, что ты такой хороший пловец. Если бы ты не успел... – И мама начинает плакать.

– Это было нетрудно, – говорит Вальтер, быстро отводя глаза.

– Я обязательно расскажу твоей маме, какой ты молодец.

– Не надо. Честно. – Он берет свое полотенце и начинает энергично вытираться.

Мама утирает слезы и помогает мне одеться. В носу и в горле першит так, словно я надышалась цементом.

– Может быть, Хетти тоже нужно учить плавать, – говорит

Карл, но ему никто не отвечает.

Мама шмыгает носом и кивает.

Потом она суетливо расстилает покрывало, раскладывает вкусности для пикника. Я больше не дрожу, и мама протягивает мне блинчик с малиной и фляжку с молоком. Я начинаю есть и пить.

Наконец, собравшись с духом, я поднимаю глаза на Вальтера. Его волнистые светлые волосы еще не высохли. Он как раз говорит что-то Карлу, но тут же оборачивается, смотрит на меня и вдруг улыбается мне во все лицо.

Глаза у него голубые, теплые.

Поздно вечером мама укладывает меня в мою узкую кроватку, придвинутую вплотную к стене детской, которую я делю с Карлом.

– Доброй ночи, детка. – Мама целует меня в лоб. – Все хорошо, да?

– Да, мамочка.

– Вот и славно. – Она улыбается и гладит меня по голове.

Выключив свет, мама выходит и тихо затворяет за собой дверь.

Я лежу с открытыми глазами. В полумраке мне виден громоздкий силуэт платяного шкафа в углу и очертания пустой кровати Карла у окна. Будь брат сейчас здесь, грозные тени не посмели бы прикоснуться ко мне. А так стоит мне только закрыть глаза, и я возвращаюсь в озеро: вода тянет меня

в мгlistую глубину, душит, затекает в легкие. Сердце колотится, и веки вскидываются сами собой, точно на пружинах.

He cпи. He cпи. He cпи.

Дверь спальни, скрипнув, отворяется раньше, чем я ждала.

– Карл, это ты?

– Хетти? Еще не спишь?

– Не могу заснуть.

– Я так и подумал. Слушай, у меня кое-что для тебя есть. Подарок. Я берег его на твой день рождения, но подарю сейчас. А на день рождения будет что-нибудь другое. – Он щелкает выключателем, и я зажмуриваюсь от яркого света.

Карл ныряет под свою кровать и, пошарив там, вскоре появляется с прямоугольным коричневым пакетом в руках.

– Вот, – произносит он и кладет пакет мне на одеяло, когда я, оттолкнувшись локтями, сажусь в кровати. Карл тоже опускается на краешек. Вид у него смущенный, лоб под темной челкой наморщен. – Мне так жалко, что не я спас тебя сегодня, Мышонок, но я был далеко.

Я понимаю, что он говорит серьезно, когда его глаза заглядывают в мои. Зрачки у него большие, расширенные от страха, и я знаю, что в душе он плачет, так же как я. Я киваю ему, чтобы он понял: я все вижу.

– Хорошо, что Вальтер был рядом. И он твой лучший друг.

Я перевожу взгляд на коричневый пакет, такой увесистый

в моих руках.

– Открой же, – говорит брат.

Бумажный пакет шуршит, пока я разворачиваю его. Сунув руку внутрь, я нащупываю твердую книжную обложку. Это оказывается дневник, настоящий, взрослый. Обложка покрыта геометрическим орнаментом коричневого, оранжевого и синего цветов. Бумага внутри сливочно-белая.

– Какой красивый, – шепчу я. – Спасибо тебе, Карл.

– Там еще кое-что есть, – улыбается брат.

На дне пакета оказывается ручка, синяя с серебром.

– Я подумал, этот дневник как раз то, что надо для твоих секретов и историй. Ты ведь любишь сочинять. – Глаза Карла ни на миг не отрываются от моего лица.

– Я постараюсь. Придумаю что-нибудь интересное. Но не про то, как я тонула.

Улыбаюсь ему в ответ. Пусть брат знает, что все в порядке.

Когда моя голова снова касается подушки, я понимаю, что все действительно хорошо, хотя кое-что в моей жизни изменилось.

Я чуть не утонула, и меня спас Вальтер.

Это все меняет.

Часть первая

7 августа 1933 года

– Метаморфозис! – восклицает доктор Крейц. – Вот как этот текст называют англичане. – И он широким жестом поводит книгой в воздухе так, что шелестят страницы. – Кто-нибудь из вас знает, что означает это слово?

Он опирается на учительский стол. Рукава его рубашки закатаны до локтей. Никто не издаёт ни звука. Мы сидим на деревянных скамьях классной комнаты в гимназии и молчим.

Да, пыльные, шумные классы фольксшULE больше не для меня. Тесная, засыпанная черным шлаком игровая площадка, где толкутся шумные, грубые дети, превратилась в смутное воспоминание далекой, еще до летних каникул, поры. Гимназия совсем другая: здесь высокие сводчатые потолки и гулкие коридоры. В центре большой зал с высоким потолком на мощных балках, а над ним – величественная красная мансардная крыша. Учителя здесь образованнее, строже и даже как будто выше ростом, чем в фольксшULE. Но, хотя я лучше справилась со вступительными экзаменами, чем мой брат Карл три года назад, когда ему было одиннадцать, все же я не чувствую себя особенно умной.

– Кажется, это значит «превращение»? – нарушает молчание чей-то голос сзади.

Я выворачиваю шею и вижу девчонку-коротышку с копной черных волос, курчавых, почти как у меня.

– Пожалуйста, назовись, – говорит доктор Крейц, вскидывает голову и выкатывает глаза, прямо как лягушка.

– Фрида Федерман, – уверенно отвечает девочка.

– Вот именно. Да, Фрида. – Доктор Крейц в восторге. – Превращение. Перерождение. Изменение. В переводе с греческого «метаморфозис» – «изменение формы». – Учитель начинает мерить шагами класс. – Греческий и латынь учат нас всему, что нам необходимо знать о состоянии человека.

– Фрида Федерман – еврейка, – шепчет кто-то из девочек позади меня, и так громко, что учитель просто не может не слышать, но виду не показывает. Проходя мимо стола, он берет с него книгу.

У доктора Крейца узкие плечи и выпирающее брюшко. Край сорочки выбился из брюк, галстук повязан криво. Сразу видно, что в эту школу, известную своим классическим образованием, его взяли не за красоту или опрятность, а за знания и ум.

– Франц Кафка, – произносит он, глядя в потолок так внимательно, словно надеется обнаружить там упомянутого автора, восседающего верхом на потолочной балке. – До чего талантливым человеком он был, и веселым. Вот послушайте.

И учитель так энергично перелистывает страницы книги,

что у него разлетаются волосы. А потом начинает читать, медленно описывая по комнате круг с книгой в руках. Монотонным голосом он рассказывает нам завораживающую историю Грегора, коммивояжера, который проснулся однажды утром и обнаружил, что за ночь превратился в гигантское насекомое.

Свет льется в класс через длинное прямоугольное окно высоко в стене. С огромного портрета над доской на нас безмятежно взирает Адольф Гитлер. Голос доктора Крейца то опускается, то поднимается, то затихает, то грохочет. Я так долго гляжу на портрет, что лицо Гитлера плывет и покачивается у меня перед глазами. Он по-прежнему смотрит на меня, не мигая, но я могу поклясться, что его губы дрогнули, будто вот-вот улыбнутся, а сам он выйдет из рамы и скажет: «Ха-ха, а я над вами пошутил. Я уже давно здесь».

Но все это, конечно, мне лишь кажется, и я отвожу глаза. Карл говорит, что у меня слишком живое воображение. Мое сердце немного ускоряет ритм, и я думаю: что, если мой брат прав?

Доктор Крейц читает. Стараясь не смотреть больше на Гитлера, я разглядываю профиль девочки, моей соседки по парте. Она высокая, стройная, золотисто-каштановые волосы двумя гладкими косами лежат у нее на плечах. Овал бледного лица безупречен, словно изваян резцом из лучшего мрамора. Она высоко держит голову, наблюдая за тем, как доктор Крейц ходит по классу. Почувствовав мой взгляд, де-

вочка поворачивается и устремляет на меня свои зеленые глаза с чуть опущенными внешними уголками.

– Привет, – шепчет она. – Меня зовут Эрна Беккер. – Она едва заметно улыбается.

– Хетти Хайнрих, – отвечаю я, жутко стесняясь своих курчавых черных волос, больших глаз и слишком круглых щек.

Никого красивее Эрны Беккер я в жизни не видела.

Громкий стук в дверь прерывает доктора Крейца на полуслове.

– Герр Гофман... – обращается он к вошедшему – высокому, худощавому мужчине в жилете и галстук-бабочке.

– Хайль Гитлер! – приветствует герр Гофман класс.

– Хайль Гитлер! – хором отвечаем мы.

– Господин директор, – доктор Крейц откашливается, – для меня большая честь видеть вас на своем уроке.

Герр Гофман встает перед классом.

– Добро пожаловать в нашу замечательную гимназию, – начинает он, улыбаясь нам. – Каждый из вас попал сюда не просто так, а выдержав труднейший экзамен. Но это лишь начало пути. Только упорным трудом и образцовым поведением вы добьетесь высоких результатов в этой школе. Что одинаково верно не только для мальчиков, но и для девочек. Со временем вы все станете превосходными членами нашего великого нового Рейха. Я уверен, что и ваши родители, и гимназия будут гордиться вами. Желаю вам всем удачи.

Я улыбаюсь директору. Моя мечта – стать врачом, по воз-

возможности – мировой знаменитостью. Мне верится, что учеба в этой замечательной школе – первый шаг на пути к осуществлению моего честолюбивого замысла. И я буду очень стараться на каждом уроке. Всегда.

Герр Гофман обращается к доктору Крейцу:

– Что вы проходите сегодня?

Доктор Крейц молча показывает директору обложку «Превращения».

Ужас искажает лицо герра Гофмана.

– Доктор Крейц, вы с ума сошли?

Учитель пожимает плечами:

– Это великолепный текст, герр Гофман. Он как раз вводит все темы, о которых мы будем вести речь в этом году: символизм, метафора, абсурдность бытия...

– Это мы еще обсудим, но позже. А пока вы прекрасно знаете, что это совсем неподходящее произведение для школы. Будьте любезны, к следующему разу подберите порядочного немецкого писателя. До свидания, дети. – И он выбегает из комнаты, громко хлопнув дверью.

Доктор Крейц съеживается.

Подходит к столу, дрожащими руками кладет в портфель «Превращение». И смотрит на нас, облизывая губы, словно не знает, что теперь с нами делать. Кое-кто в классе уже начинает болтать, но учитель не пытается навести порядок.

И опять он напоминает мне лягушку, только теперь ее как будто переехало колесо.

Я выхожу из школы. На улице меня уже ждет Томас. Худющий, длинноногий, он стоит, небрежно привалившись к стволу высокого дерева на краю Нордплац. Сбежать я не успеваю: он замечает меня, подбегает и чуть не сбивает с ног, все это с кривой ухмылкой.

– Ну, как там было? – спрашивает он и смотрит через плечо на школу.

Чуть приотстав, мы идем за шумными старшеклассниками через зеленую площадь в Голис.

– Школа как школа. Просто... умнее и строже, вот и все.

Томас грустнеет. Он тоже мог бы туда поступить, только его родителям нечем платить за учебу. С экзаменами он справился бы.

– Так странно, что ты больше не живешь в нашем квартале, – говорит он. – Без тебя там как-то... пусто, – подумав, добавляет он.

– Я же совсем рядом.

– Ну да. – Всю дорогу, пока мы идем, останавливаясь только у перехода через Кирхплац, он громко сопит. – А какой у тебя теперь дом?

– Вот погоди, увидишь! – смеюсь я. – После той квартирки ты просто не поверишь! Побежали! – И я срываюсь с места, чувствуя, как у меня внутри растет пузырь радости.

Наш огромный новый дом на Фрицшештрассе с островерхой крышей, из которой в небо торчат две дымовые трубы,

похожие на толстые указательные пальцы. В нем четыре этажа – четыре ряда окон. В нашей семье каждый мог бы жить на отдельном этаже.

– Самый большой на улице, – выдыхает Томас, потрясенно глядя на красивое здание из светлого песчаника с черной отделкой.

Его рыжеватые волосы растрепались, глаза за толстыми стеклами очков в черепаховой оправе кажутся огромными, как у мухи. Обозревая величие нашего дома, он даже морщит нос.

Я гордо выпрямляюсь.

– А сад за ним есть?

– Ну конечно! Вон моя комната. – Пальцем я показываю на балкон второго этажа.

Прямо под ним растет чудесная старая вишня. Нижние ветки ее раскидистой кроны нависают над тротуаром и железными перильцами перед домом, спускаются под балкон. Прямо в оконной нише у меня есть сиденье. Люблю проводить время там: оттуда хорошо виден перекресток с Берггартенштрассе, если посмотреть влево, а если вправо – то вся Фрицшештрассе до самого дома Вальтера. Я вижу, когда он выходит и когда возвращается обратно.

– Внутри, наверное, тоже здорово. – Томас прижимает лицо к прутьям ограды. – Спорю, что там у вас две лестницы. И погреб тоже есть. А может быть, даже темница, а в ней кости пленников!

– Не говори чепухи.

– Можно мне зайти? – спрашивает Томас.

Я смотрю на него искоса. Всего несколько недель назад мы с ним играли на улице позади дома, в котором была наша квартира, а кажется, будто годы прошли. И не я, а совсем другая девочка пинала во дворе мяч и съезжала по глинистому откосу набережной посмотреть, как паровозы, пыхтя, втаскивают на станцию одни тяжелые составы и покидают ее с другими.

– Не сегодня, – слышу я свой голос. – Извини. Может, в другой раз. – И я толкаю тяжелую кованую калитку. Она открывается со скрипом, а захлопывается с громким приятным щелчком, оставляя Томаса на улице.

В просторной передней с деревянным паркетом я оставляю сумку и вспоминаю июньский день, когда мы только переехали в этот дом.

– Без кухарки и горничной здесь не обойтись, – сказала тогда мама, стоя на этом самом месте и с изумлением озираясь. На меня и сейчас точно пахнуло ароматом ее духов «Vol de Nuit». – В одиночку я с таким домом не управлюсь, – добавила она и приложила руку к груди.

Папа, спокойный и невозмутимый, в легких брюках и рубашке с открытым воротом, взъерошил мне волосы и сказал:

– Самый завидный дом во всем Лейпциге. Ну, или один из них.

– Мне он ужасно нравится, – сказала я отцу, с улыбкой

глядя в его тяжелое лицо.

– Что, не ожидала, а, Шнуфель? Даже мечтать не могла? – И он, взяв с пола коробку, пинком отворил первую по коридору дверь. – Мой кабинет, – сказал отец и, довольный, скрылся внутри.

– А можно, я тоже выберу себе спальню? – спросил Карл, и у него даже глаза загорелись при мысли о собственной комнате.

– Почему нет? – ответила мама, а я пошла за ней, когда она стала обходить дом, сверяясь со списком предметов мебели и картин, оставленных в особняке прежними жильцами.

Трудно забыть тот миг, когда я впервые увидела красно-золотую столовую, залитую солнцем гостиную – одно пятно света лежало на ковре, другое на рояле, – бледно-голубую утреннюю комнату с граммофоном в углу, оранжерею со стеклянным куполом потолка, наполненную экзотическими растениями, между которыми стояла плетеная мебель. Наша старая квартирка целиком уместилась бы в передней этого дома, и еще место осталось бы.

Наполненная счастьем, словно воздушный шар – воздухом, я бегу через переднюю, по гулкому каменному коридору, мимо большой кухни, мимо ванной, пока не оказываюсь в треугольном саду за домом. Посреди сада газон, по краям – цветы, а в дальнем от дома углу – огромный старый дуб. Железной дороги здесь нет. Вот и хорошо. Я совсем не буду скучать по поездкам, которые со скрежетом и лязгом уходи-

ли неизвестно куда среди ночи, так что от них тряслась моя кровать в старой квартире.

В дальнем углу сада, задрав голову, я смотрю на пеструю от солнца листву и ветви старого дуба. Хотя мы больше не ходим в церковь – папа говорит, что вера отвлекает нас от главной задачи и, кроме того, церковь не одобряет герр Гиммлер, – я все равно знаю: Господь улыбнулся мне. Я – особая, и потому Он сделал мне подарок – дом на дереве. Настоящий. Большой. С надежной крышей и стенами. С узкой веревочной лестницей, которая свисает из отверстия в деревянном полу.

Вот погоди, то-то еще будет, когда Томас его увидит. Да он с ума от зависти сойдет! Я представляю себе его лицо и хохочу в голос.

17 сентября 1933 года

Из оконной ниши, где я устроила себе гнездо из подушек, я наблюдаю за Фрицшештрассе. Если мне повезет, то появится Вальтер: руки в карманах коротких штанишек, шаркая подошвами по асфальту, он будет прохаживаться по улице и высматривать Карла. Но дорога пуста. Сквозь ветки дерева я вижу пожилую чету: старики выходят из элегантного белого дома напротив. На поводке они ведут черную лохматую собаку. Пес идет, вывалив длинный красный язык, как будто улыбается. В нашей прежней квартире для собаки не было места, но теперь мама так не скажет. Я бегу к ней.

На кухне Берта вытирает испачканные в муке руки о передник.

– У мамы голова болит, – объясняет кухарка. – Она ушла наверх, прилечь.

– Как можно лежать в постели в разгар дня?

– Я бы тоже полежать не отказалась, – фыркает Берта, продолжая месить. – Может, я чем-то тебе помогу?

– Нам надо завести собаку. В таком большом доме, как этот, без собаки просто нельзя.

– Понятно. Ну, с этим можно подождать, пока твоя мама не встанет. А кроме того, она, может, и не захочет собаку.

Перестав месить, Берта берет тесто и с размаху швыряет его о стол. Видно, как под веснушчатой кожей ходят мышцы

предплечий.

– Может, пойти разбудить ее? Как ты думаешь, Берта?

– Нет, фройляйн Герта. Я думаю, это плохая мысль.

Я вздыхаю и понуро выхожу из дому. Старики с собакой еще не скрылись из виду – ковыляют в конце улицы. Быстро догоняю их.

– Доброе утро. Можно погладить вашу собаку? Меня зовут Хетти. Я живу в том большом доме, через дорогу от вас.

Старик одет в коричневый костюм с галстуком, шляпа хомбург аккуратно сидит у него на голове. Женщина, маленькая и хрупкая, в легком пальто, несмотря на теплый день, смотрит на мужа и часто моргает.

Он, негромко кашлянув, тихо говорит ей:

– Она всего лишь ребенок, Руфь. – Потом поворачивается ко мне. – Конечно погладь. Его зовут Флоки, а я герр Гольдшмидт.

Флоки, кажется, виляет не только хвостом, но и всем телом, вплоть до кончика носа.

– Какой ты добрый, – говорю я псу, опускаюсь рядом с ним на корточки и хихикаю, когда он ставит передние лапы мне на колени и начинает лизать мои уши.

– Хотите, я схожу с ним в парк? – Я смотрю на Гольдшмидтов. Они ведь и правда очень старые, а Флоки так хочется побегать. – Я умею обращаться с собаками. Я его не потеряю, не думайте. – Я встаю и принимаю ответственный вид.

На этот раз отвечает фрау Гольдшмидт:

– Нет, оставь пса в покое. – Голос у нее недовольный и такой кислый, как будто она только что разжевала лимонное зернышко. – После того, что было, я тебе не позволю.

Я начинаю пятиться. Наверное, она не любит детей?

– Успокойся, Руфь. Не надо так. Идем. – Герр Гольдшмидт тянет жену за руку, но та не трогается с места, ее темные глаза становятся узкими как щелочки.

– Твой отец, – шипит она мне, – выжил их из дому. Надуманные обвинения. Травля в его газетенке. Вот кто настоящий преступник! Все это ложь и неправда...

– Руфь! Прошу тебя! – Герр Гольдшмидт дергает жену за руку, но ее уже не остановить.

Она дрожит, слова вылетают у нее изо рта вперемешку с брызгами слюны.

– Дрюкеры – хорошие люди. Они хорошо зарабатывали. Но успех порождает зависть, ведь так? Завидуют те, кто ничего не добился. А теперь посмотрите на него: украл дом и расселся в нем как хозяин!

– Руфь! – Голос герра Гольдшмидта пронзителен и резок. Он поворачивается ко мне. – Прошу прощения за то, что наговорила моя жена, она сегодня сама не своя...

Но я уже поняла, что эта старуха – ведьма, и опрометью бегу от нее прочь, пока она не обрызгала меня своей ядовитой слюной. Лишь захлопнув за собой железную калитку, я останавливаюсь. Сердце стучит, как копыта скаковой лоша-

ди по дорожке ипподрома.

На улице у нашего дома припаркована машина, а в передней я застаю незнакомую молодую женщину: на ней плотно облегающий коричневый костюм, который делает ее похожей на боквурст¹. У незнакомки круглые щеки, курносый нос и губы такой толщины, каких я не видела ни у кого в жизни. Волосы цвета оберточной бумаги заплетены в косу, так плотно уложенную на макушке, что кожа над ушами натянулась и покраснела. Она смотрит на меня с удивлением.

– Здравствуй, – ласково говорит она мне. – Я фройляйн Мюллер. А ты, наверное, Герта?

Папа, большой как медведь и красивый в обтягивающей форме СС, выходит из кабинета. Протягивает фройляйн Мюллер пару тоненьких папок.

– Привет, Шнуфель! Пару дней не увидимся. Уезжаю в Берлин, по делам СС. – Он обнимает меня, прижимая мою голову к своей груди. Твердая пряжка его нагрудного ремня впивается мне в щеку. – А где твоя мать? Елена, Елена! – От крика внутри у него все вибрирует.

– Франц? – Мама в широкополой соломенной шляпе и летящем платье входит через заднюю дверь из сада. В руках у нее срезанные цветы, ножницы и еще что-то. За ней идет Карл. – Ты дома? Почему так рано? – удивленно спрашивает она.

¹ *Боквурст (нем.)* – варено-копченая колбаска, разновидность сардельки. – Здесь и далее примеч. перев.

– А, вот ты где. Елена, это Хильда Мюллер, моя новая секретарша. – (Молодая женщина улыбается и кивает маме.) – Слушай, я еду в Берлин. Дело срочное – у нас опять проблемы с коммунистами. – Он вздыхает. – А у меня еще еженедельная передовица для «Ляйпцигера» не готова, хотя завтра уже крайний срок. Фройляйн Мюллер поедет со мной и поможет в работе. – Папа умолкает, поднимает руки к лицу и трет его ладонями, сильно надавливая на глаза пальцами.

Бедный, он так устает на двух работах!

– Ты остановишься у бабушки Аннамарии? – спрашивает Карл.

– Надеюсь, что нет, – отвечает папа. – В смысле, – тут же поправляется он, – я, конечно, зайду к матери, если время позволит, что вряд ли. – Он поворачивается к маме. – Вечером позвоню. – Он берет ее руки в свои, целует в щеку. – Пока, Шнуфель, – говорит он мне, – слушайся маму.

– Хорошо, папа.

Я заглядываю ему в лицо, обрамленное светлыми, тщательно зачесанными назад волосами. Ловлю взгляд его светлых глаз в надежде прочесть в них любовь и показать ему, что я сама хочу всегда быть только хорошей. Но он смотрит не на меня, а на часы.

– Нам пора. – Папа поворачивается к Карлу. – Остаешься за старшего, молодой человек. Береги сестру и мать.

Втроем мы стоим у двери и смотрим, как они с фройляйн Мюллер садятся в блестящий черный автомобиль. Юбка на

женщине такая тугая, что, кажется, вот-вот треснет. У нее большой круглый зад, и она ходит переваливаясь, как гусыня.

– Мама, – говорю я, когда автомобиль отъезжает, – Гольдшмидты, которые живут через дорогу, говорят, что папа украл наш дом. Разве это можно – украсть целый дом?

Мама поворачивается ко мне так резко, что подол ее платья взлетает вокруг нее, и смотрит мне в лицо:

– Они так сказали? Зачем ты с ними разговаривала?

– У них есть собачка, а я хотела ее погладить. Можно нам тоже завести собаку, раз мы живем здесь?

– Нельзя говорить с этими людьми.

– Я только хотела погладить собачку.

– Они же евреи, Хетти.

От этого слова по спине у меня бегут мурашки. Откуда мне было знать?

– Грязные свиньи, жида, – говорит Карл и морщит нос.

– Они бездельники и заняты только тем, что распространяют лживые сплетни, – твердым голосом произносит мама; я наблюдаю за тем, как она ставит цветы в вазу и наполняет ее водой. – Это их основное занятие. Запомни, тебе нельзя разговаривать с ними. Мы живем в трудные времена. Вот почему папа служит в СС и работает в газете. СС защищают Гитлера и борются с любыми партиями, которые пытаются оказать ему сопротивление. Вот почему тебе, Хетти, следует с осторожностью выбирать себе друзей. Водись только с на-

стоящими немцами, как мы. Ясно?

– Да, мама.

Она снова выходит в сад, и я за ней – не хочется оставаться в одиночестве. Там я рассматриваю кусты и цветы вдоль ограды. Надо же, здесь такой покой, тишина, и не подумаешь, что за пределами кованой решетки нашего сада затаилось зло. От страха меня снова пробирают мурашки. И тогда я представляю себе огромного свирепого пса, который бежит в саду вдоль забора, охраняя нас и наш дом. Мне сразу становится спокойнее.

8 октября 1933 года

В парадную дверь стучат.

– Кто бы это мог быть в такую рань, да еще в воскресенье?

Мама хмурит брови. Высокая, гибкая, наряженная в платье персикового цвета, она слетает по лестнице на первый этаж. Тонкая прядка волос выбивается на бегу из ее темного пучка волос, и мама заправляет ее за ухо.

Я уже тяну к себе массивную входную дверь. На крыльце стоит Вальтер, руки в карманах. Распахиваю дверь еще шире и набираю побольше воздуха в грудь, стараясь казаться выше ростом.

Когда Вальтер был малышом, он, наверное, походил на тех пухлощеких, светловолосых херувимов, которые парят в облаках на картинах с изображениями Марии и Младенца Христа. Сейчас ему четырнадцать, и хотя волосы у него по-прежнему кудрявые и светлые, а глаза голубые, но щеки уже втянулись, руки и ноги удлиннились, сделав его похожим на ребенка-подростка. Еще не мужчина, но уже не мальчик.

– Карл! – зовет мама.

Стоя на нижней ступеньке лестницы, она держится за круглую деревянную шишечку на перилах с таким видом, точно боится упасть.

– Доброе утро, фрау Хайнрих, – вежливо говорит Вальтер и переступает порог. – А Карл ничем не занят?

– Поднимайся, – зовет его Карл, чья ухмыляющаяся мордаха уже появляется на верхней ступеньке лестницы. – У меня поболтаем.

– Привет, Вальтер, – говорю я.

Тот наклоняется развязать ботинки и, кажется, совсем меня не слышит.

– Хочешь подняться в дом на дереве? – делаю я вторую попытку, но он уже бежит наверх, к Карлу.

Из кабинета выходит папа, руки в боки. Он хмуро смотрит в спину Вальтеру.

– Опять этот, – ворчит папа и сердито смотрит на маму. – Значит, ты так ему и не сказала?

– Перестань, Франц. – Мама вздыхает, ее руки безвольно вытягиваются вдоль боков, плечи поникают. – Пожалуйста, давай не будем об этом.

– Только потому, что он однажды спас... – Папа бросает на меня быстрый взгляд, и я понимаю: он говорит о том дне, когда я Едва Не Утонула. – Мне это не нравится. – Он поворачивается и уходит в кабинет, резко и громко хлопнув дверью.

Мы с мамой остаемся в передней одни. Стоим и смотрим друг на друга. Ледяные пальцы невидимками касаются моей спины.

– Что папе не нравится? – шепотом спрашиваю я.

Мама вздыхает:

– Иди вымой лицо и руки. Сегодня мы идем в солдатский

дом.

– Но...

– Всего на пару часов. Тебе это полезно.

– Мне обязательно туда идти?

– Да, обязательно, – твердо отвечает она. – Труд на общее благо – святой долг каждого из нас. Он приближает нас к фюреру. Мы все должны проявлять заботу друг о друге.

– Я бы лучше поиграла с Карлом и Вальтером.

– Девочкам, – непреклонным голосом говорит мама, – необходимо учиться покорности.

Крохотный узелок завязывается у меня внутри, пока я хмуро топаю наверх.

Солдатский дом на Халлишештрассе стоит, отступив от красной линии. Зданию уже не одна сотня лет, когда-то в нем была больница. Теперь здесь живут солдаты, которых сильно ранили, когда они храбро сражались за наш народ, и он называется Дом героев. Вокруг разбит приятный сад, сбоку просторная терраса, на ней выстроились инвалидные кресла. Мужчины, которые сидят в них, так неподвижно глядят на газон и клумбы за ним, что я невольно думаю: а вдруг они умерли?

Мама решительно ведет меня по ступеням наверх, к входной двери, и нажимает на кнопку звонка. Выходит медсестра в аккуратной форме, здоровается и впускает нас в переднюю, где пахнет полиролью и хлоркой. Там она представляется – Лизель. Из-под ее белой шапочки выглядывают пряд-

ки светлых волос.

– Хайль Гитлер! Как замечательно, что вы опять пришли, фрау Хайнрих.

– Хайль Гитлер! Это моя дочь, Герта.

– Очень приятно видеть вас обеих. Наши обитатели всегда так рады вашим визитам, фрау Хайнрих.

И Лизель ведет нас по темному коридору, мимо палаты, куда я заглядываю на ходу. Восемь железных коек, все аккуратно застелены и пусты. «Жильцы сейчас в комнате отдыха», – объясняет Лизель. Я стараюсь не делать глубоких вдохов: запах хлорки не может перебить всепроникающую вонь человеческой мочи и еще чего-то неприятного.

– Некоторые из наших постоянных обитателей – герои войны, Герта, но у них нет семей, – говорит Лизель. – Они заслужили комфорт, в котором проводят свои последние дни.

– Да, конечно заслужили, – киваю я.

– Разумеется. Но у нас очень мало средств. Сейчас так трудно... – Лизель умолкает, и на лбу у нее появляется морщинка.

– Я устраиваю обед для сбора пожертвований, – с энтузиазмом подхватывает мама. – А мой муж поместит в «Ляйпцигере» статью о трудностях, которые вы испытываете.

– Нам так повезло, что нашей патронессой стала твоя мама. – Лизель улыбается мне. – Вот кто не устает трудиться на благо других.

Я с удивлением смотрю на маму. Для меня она просто ма-

ма. Но тут я понимаю, что она и еще кое-кто.

В комнате отдыха мы застаем трех солдат-инвалидов, которые сидят в плетеных креслах на колесах, составленных в полукруг. Я знаю, что глазеть на людей невежливо, но ничего не могу с собой поделать. От вида одного из них меня прошибает пот. У солдата нет половины лица, вторая половина – искореженная масса плоти. На месте рта – маленькая дырочка, большой кусок щеки отсутствует. Глаза над ней тоже нет, зато второй, мутный, белый, таращится из съжившейся плоти. Голова солдата похожа на полуобглоданный кусок цыпленка.

Меня начинает мутить, и я уже боюсь, что меня вырвет, когда мама хватается меня за руку и сильно дергает.

Я делаю глубокий вдох. Нельзя быть такой неженкой, как же я тогда стану врачом?

По сравнению с первым другие два инвалида просто красавцы: один, правда, без ног, другой с половиной ноги и без руки, но ничего, смотреть можно.

Я бросаю взгляд на маму, которая стоит посреди мрачной комнаты перед живым человеческим паноптикумом, и вдруг понимаю, какая она красивая – красивее всех на свете. Ее сияющие глаза и очаровательная улыбка гаснут, но она тут же берет себя в руки и, блестя волосами, глазами, зубами и персиковым шелком платья, наполняет унылое помещение цветом, жизнью, блеском.

Приносят лимонный чай с печеньем. Лизель вставляет со-

ломинку в рот человеку с изжеванным лицом и помогает ему пить. Он с хлюпаньем втягивает в себя чай, но, когда она вынимает соломинку, часть жидкости проливается ему на рубашку, стекая по измочаленной плоти, которая когда-то покрывала его подбородок. Сестра ловко вытирает пролитое, потом подходит и садится рядом со мной.

– Что с ними случилось? – шепотом спрашиваю я.

– Рядом с ними взорвался снаряд. Эти еще ничего, есть и другие, хуже. – После паузы Лизель добавляет: – Ужасная штука – война.

– Я никогда об этом не задумывалась.

– С чего бы тебе? Ты еще маленькая. Может, в другой раз удержишься, считаешь им что-нибудь? Твоя мама часто рассказывает нам, какая ты умница. Им понравится. Хорошенькое юное существо так скрашивает жизнь.

Я с удивлением смотрю на маму, она ободряюще улыбается мне. Мама похвалила меня – теплая волна удовольствия прокатывается по мне с головы до ног.

– Конечно, – говорю я искренне. – С удовольствием.

Сестра похлопывает меня по коленке, потом встает, чтобы еще раз обтереть лицо изуродованного человека и предложить инвалидам воды.

Когда мы уходим, Лизель машет нам с крыльца. Огромными глотками я пью сладкий уличный воздух и едва сдерживаю желание бежать отсюда, куда глаза глядят.

– Эти люди так ужасно пострадали, мама.

– Им еще повезло, о них заботятся.

Мы идем медленно, наслаждаемся лучами заходящего солнца. Все вокруг кажется мне новым и таким прекрасным. Никогда еще я не видела так ясно всей красоты раскидистых крон деревьев, не слышала всей прелести птичьей песни, не чувствовала совершенства собственных рук и ног. Я вдруг понимаю, что хочу стать не просто врачом, а хирургом. Чтобы помогать *им*. Даю себе слово еще лучше учиться в школе.

Пожалуйста, пусть больше никогда не будет войны. Сохрани нас всех, папу, маму, Карла и меня.

– Войны ведь больше не будет, правда?

– Будем надеяться, что нет. Нам повезло, что у нас есть Гитлер, ведь он стоит за мир и гармонию во всей Европе. К сожалению, о других странах того же не скажешь. Что они сделали с нами под конец войны – эти ужасные репарации. Столько раненых, безработных, такая нищета царила кругом. Они и сейчас издеваются над нами. Хотят, чтобы мы страдали и дальше, но они дождутся, что мы скажем: «Хватит!» – и начнем бороться за то, что принадлежит нам по праву.

– Но кто? Кто – они?

– Наши враги, Хетти. Нас многие хотят уничтожить. Они хотят убивать, калечить, лишить нас всего, что для нас дорого. Хотят истребить сам наш образ жизни.

Липкие пальцы страха снова ползут по моей спине.

– Но кто они, наши враги?

Мама стискивает мою руку.

– Их много, и они разные. Но за каждым из них стоят евреи. Они хотят захватить весь мир. Но не бойся, детка, – добавляет мама своим чистым голосом. – Гитлер стоит у руля нашей новой Германии, а с ним нам ничего не страшно. Пусть у наших врагов дрожат от страха коленки!

11 октября 1933 года

– Извини, сегодня не могу, – говорю я еврейке Фриде, когда она просит меня встать с ней в пару на уроке гимнастики.

Фрида разочарованно поникает, а я чувствую себя виноватой. И поспешно оглядываюсь в поисках еще кого-нибудь без пары, чтобы меня не поставили с ней насильно. Герда мотает головой и хватается за руку Аву, на всякий случай, чтобы я не сомневалась.

– Эй, хочешь стоять сегодня со мной?

Я оборачиваюсь и вижу Эрну, высокую и тонкую, в белом гимнастическом костюме. Она едва заметно улыбается.

– Давай. – Я делаю вид, будто мне все равно, хотя, когда мы встаем с ней вместе, сердце колотится у меня в ушах.

Эрне не обязательно знать, где я жила раньше. Не обязательно знать и то, что в прежней школе у меня был всего один друг, Томас. Наша семья поднимается в обществе, и это главное.

– Девочки! – Фройляйн Заубер хлопает в ладоши, призывая к вниманию. – Слушайте меня и повторяйте за мной. Возьмите палки и в парах сделайте то, чему мы учились на прошлой неделе. Руки поднимайте как можно выше, следите за правильным положением ног и спины. Указывайте друг другу на ошибки. Займите свои места.

Мы с Эрной становимся у заднего крыльца школы.

– А ну-ка, – в глазах Эрны появляется лукавая искорка, – покажи мне, как ты умеешь крутиться. И не забывай: палка высоко поднята, носки в стороны!

Она передразнивает писклявую фройляйн Заубер так точно, что я начинаю хохотать, и вот уже мы обе кружимся, наклоняемся то в одну сторону, то в другую, размахивая палками и преувеличенно выставляя носки. Почему-то рядом с Эрной я даже не боюсь получить нагоняй от писклявой фройляйн.

Я замечаю Фриду, которая так и осталась без пары и сама с собой повторяет движения в дальнем углу площадки. Вид у нее печальный и одинокий, но я знаю, что не должна ее жалеть, потому что она не наша. И я старательно не гляжу на нее больше.

– Раз, два, три... Хайль! – Эрна прикладывает палку к верхней губе и выбрасывает вперед прямую правую руку.

– Эрна! – шепчу я, потрясенная ее нахальством, и все же мне так хочется расхохотаться, что от напряжения болит лицо.

– Класс! – говорю я басом, подражая доктору Крейцу, и для пушей достоверности выпячиваю живот и раскидываю руки. – Запомните этого автора, о котором вам ничего не положено знать! Он великий, он гениальный, и он запрещенный!

Эрна хихикает над моей шуткой, и на душе у меня становится так тепло, словно я только что выпила горячего шо-

колада. Все теперь кажется мне возможным и достижимым. Стоит только протянуть руку.

Вдруг оказывается, что урок закончился и нам пора в класс.

На этот раз я смело сажусь на одну скамью с Эрной. Теперь у нас каждый день есть новый урок, который втискивают между другими занятиями. Жизнь фюрера. Фрау Шмидт объясняет нам, что мы должны изучать жизнь и борьбу великого человека, Адольфа Гитлера, чтобы на его примере учиться мужеству и силе духа. Когда фрау Шмидт рассказывает нам о его страданиях и мудрости, на глаза у нее наворачиваются слезы. Она обещает, что когда мы узнаем о нем все, то полюбим его так же, как она. И мы начинаем петь.

Выкрикивая слова «Песни Хорста Весселя», я кошусь в окно на школьный двор. Во дворе старшеклассники, у них большая перемена. Я высматриваю среди них Карла. Вон он, в центре толпы, смеется, запрокинув голову. Я смотрю на него и улыбаюсь. И тут мое внимание привлекает одинокая фигура мальчика, который сидит на скамье в стороне от всех, положив ногу на ногу, и покачивает ступней. Светловолосая голова склонена над книгой. Вальтер. Какой он чудной! Пока Карл и другие мальчики рисуются друг перед другом, стараясь в чем-нибудь да переплюнуть остальных, Вальтер занят совсем другим. Он уходит в книгу. И я чувствую, что от этого он нравится мне еще больше.

Наше пение завершается обычной молитвой благодарно-

сти:

Фюрер, мой фюрер, данный мне Богом,
Спаси и сохрани мою жизнь,
Как ты спас Германию.
За хлеб мой насущный благодарю тебя.
Будь со мною всегда, не покидай меня,
Фюрер, мой фюрер, моя вера, мой свет в ночи.
Хайль Гитлер!

Когда под проливным дождем мы с Карлом бегом возвращаемся из школы, мамы дома нет: она занята где-то сбором средств для помощи солдатскому дому.

– Обсушитесь, приходите поесть со мной и Ингрид, – говорит нам Берта, накрывая на четверых большой дубовый стол на кухне, где пол выложен каменными плитами.

Я уйду наверх, чтобы переодеться. Когда мы жили в квартирке, все было совсем иначе. Дома чаще всего были Карл, мама и я, папа почти всегда на работе. Мы втроем были тогда почти неразлучны – вместе ели, мы с Карлом спали в одной комнате. Мама брала нас с собой за покупками, мы помогали ей на кухне. А еще она пела нам песни и рассказывала истории из своего детства, когда жила во Франции. Да, в квартире мама почти все делала сама, ведь там у нее не было ни горничной, ни кухарки, но, как ни странно, тогда ей хватало времени на нас. Теперь она все время где-то пропадает, занимается благотворительностью, навещает подруг, а

мы все чаще остаемся на попечении Берты. Иногда мне кажется, что мама совсем о нас забыла.

Я подхожу к письменному столу и щелкаю рычажком новенького радиоприемника. Его совсем недавно подарил мне папа. Повторяют речь, которую произнес вчера для юношества доктор Гросс, глава ведомства расовой политики Национал-социалистической партии Германии. Мы с Карлом слушали ее как раз перед обедом.

– ...Наука утверждает, что наследуемые характеристики важнее приобретенных... – (Я выскальзываю из влажной юбки, стягиваю с себя мокрую блузку.) – Даже когда нас не станет, наше наследие продолжит жить в наших детях и в детях наших детей. Осознав это, мы увидим великую реку крови, которая течет к нам через века, и эта река и есть германский народ. Каждое поколение – это волна, которая поднимается и опускается, за ней приходит другая. Мы же, отдельные индивидуумы, лишь капли в этом потоке. Нам, в отличие от либералов, не кажется, что именно вокруг нас вращается весь мир... – (Я вынимаю из шкафа чистую блузку, юбку, пуловер и надеваю их.) – Понимание этого придает нам скромность. В отличие от либералов, которые считают, что всеми своими достижениями они обязаны исключительно самим себе, мы понимаем, что все нами достигнутое есть результат не наших индивидуальных способностей, но нашего наследия. Мы – гордые носители и хранители германской крови...

Я выключаю радио. Я знаю, что он будет говорить даль-

ше. Что все расы разные. Что негр, даже с образованием, все равно не станет частью высшей нордической расы. Спускаясь по лестнице, я прямо-таки чувствую, как пульсирует в моих венах драгоценная германская кровь – беспримесная, по крайней мере со стороны папы.

Берта разливает по тарелкам ароматный гуляш, приправленный щедрой порцией толстых клецек. Мы уже доедаем, когда дверь приотворяется и в щель просовывается блестящая от влаги голова Вальтера.

– А-а, – улыбается ему Берта. – Ты как раз вовремя, сейчас будет чай с пирогом. На запах, наверное, пришел. Заходи же, нечего мешкать на пороге, – продолжает она, собирая наши тарелки.

Вальтер садится рядом с Карлом. Я приглаживаю волосы и выпрямляю спину.

– Ты написал сочинение по истории? – спрашивает Вальтер у Карла.

– Нет, – стонет тот. – Опять придется убить на него весь вечер. А что там за тема?

– Символика борьбы и героизма в средневековой поэме «Песнь о Нибелунгах» как отражение борьбы современного германского народа. – Вальтер откусывает кусочек сливового пирога. – Мм... Очень вкусно, Берта.

Кухарка сияет от его похвалы. А я, прислонившись к стене, мечтаю о том, как было бы здорово, если бы Эрна тоже была здесь и мы все вчетвером – она, я, Карл и Вальтер –

болтали бы о школе, перебивали бы косточки знакомым, и нам всем было бы легко и хорошо друг с другом. Я бы рассказывала им что-нибудь, а они внимательно слушали бы меня, кивали и улыбались моим смешным шуткам.

– Так ты идешь?

– Мм?

– Я спрашиваю, ты идешь с нами на дерево? – Вальтер вопросительно смотрит на меня. – У меня карамельки есть, – добавляет он и покачивает передо мной пакетиком с конфетами.

Я соскакиваю со стула, иду вслед за мальчиками по коридору и через заднюю дверь дома выхожу в сад. Дождь закончился, в воздухе густо пахнет влажной землей. Мальчики уже карабкаются в дом. За ними, крепко хватаясь руками за отсыревшие петли веревочной лестницы, лезу я и скоро просовываю голову в отверстие в нижней части дома, угнездившегося в развилке дубового ствола. Сажусь на пол и перекидываю ноги через край. Юбка задирается чуть не до попы. Я быстро поправляю ее. Но Вальтер все равно не смотрит.

Он стоит у окна и выглядывает наружу.

– Как здесь высоко, – говорит он, оглядываясь на нас с Карлом, и ухмыляется. – А кенгуру может прыгнуть выше дома?

Карл закатывает глаза:

– Опять твои шуточки.

– Нет, не может, – отвечаю я, вспоминая высокую крышу

нашего дома.

– Конечно может! – восклицает Вальтер. – Дом ведь не умеет прыгать!

Карл стонет, а я хихикаю, и Вальтер подмигивает мне. И снова смотрит в окно.

– Надо же, отсюда дом Розенталей видно, – говорит он. – Ой! – Отдернув от подоконника руку, Вальтер встряхивает ею и начинает разглядывать свой палец.

Я подскакиваю к нему:

– Дай посмотрю. – (Темная линия занозы наискось прошила подушечку указательного пальца Вальтера и засела так глубоко, что без инструмента не вытащить.) – Сейчас принесу пинцет.

Торопливо спускаясь по лестнице, я слышу смех Карла.

– Смотри, как бы она тебе палец не ампутировала. У нее есть смехотворная мечта – стать хирургом...

Взбежав к себе в комнату, я хватаю сумочку с инструментами. Когда мы еще жили в квартире и я бродила с Томасом по улицам, сумочка всегда была при мне. Она висела у меня на спине, а я зорко смотрела по сторонам: не нужна ли какой зверушке медицинская помощь. Например, блохастой бродячей собаке, которую я обрабатывала бурой, пока ее держал Томас (пару раз она его укусила); или соседской кошке, которой я перевязала раненый хвост, несмотря на ее недвусмысленно выраженное неодобрение. А один раз даже приклеила ножку кузнечiku, но он все равно умер.

Я возвращаюсь на дерево, пинцетом вынимаю Вальтеру занозу и крепко давлю на его палец, чтобы выжать кровь. Только так можно убедиться, что в ранке не осталось ничего лишнего. Потом обрабатываю палец йодом и велю ему беречься от грязи, чтобы в ранку не попала инфекция.

Карл уже расстелил на полу одеяло и теперь лежит на боку, подперев голову локтем.

– Она даже книжки по медицине читает, – сообщает он, наблюдая за моими действиями. – Скуотища.

– Вот и нет.

– Да ты вообще знаешь, – вздыхает Карл, – что женщинам запретили теперь быть врачами?

– Неправда!

– Спроси у папы, если мне не веришь. Ты ведь девчонка, Хетти, вот и веди себя, как девчонке положено, даже если тебе это не по нутру.

По голосу брата я слышу, что он не хочет причинить мне боль, и все же лицо у меня горит, когда я убираю в сумку щипцы и бутылочку с йодом. Чувствую, как мальчики смотрят на меня, пока я вожусь с ремешками и застежками. *Женщинам запретили быть врачами.* Неужели это правда? Мне кажется, будто в животе у меня открылась дыра и в нее дует.

– Спасибо вам, доктор Хайнрих, – в полной тишине говорит Вальтер и добавляет: – Нет ничего плохого в том, чтобы иметь мечту. – Его слова как бальзам на мою душевную рану. И снова подмигивает мне, второй раз за день. – Я должен

вам заплатить, – продолжает он и, порывшись в пакетике, достает оттуда большую тянучку.

– Самая большая тянучка специально для малышки Хетти, – улыбается он, протягивая мне лакомство, и я чувствую, как бешено стучит у меня сердце.

– Спасибо. – Я беру конфету и сажусь на пол, спиной к стене.

Положив тянучку в рот, я жую сладкий золотистый кусочек. Он крупный и твердый, торчит у меня из-за щеки и никак не хочет уменьшаться. Струйка слюны вытекает из уголка моего рта, и я торопливо вытираю ее рукавом, чтобы никто не заметил.

– Очень красиво! – хохочет Карл.

Вальтер смотрит на меня и тоже смеется.

– На, возьми еще.

Но я только поджимаю губы и трясую головой, красная от смущения.

– Ура! – кричит Карл. – Найден способ заставить девчонку молчать! Поздравляю тебя, друг!

Комок встает у меня в горле, я вскакиваю и бегу к лестнице. Только на улице позволяю себе заплакать.

Бегу к дому, а мне вслед несется смех Вальтера и Карла, и я чувствую, как мое будущее, такое уютное и милое, разлетается на тысячи разноцветных осколков.

10 февраля 1934 года

Аугустусплац полна людей. Огромное прямоугольное пространство превращено в съемочную площадку. Сидя на высокой трибуне, которую соорудили специально для первых лиц города и их семей, я чувствую себя кинозвездой, ожидающей своего выхода перед камерами.

Я дрожу и плотнее запахиваю меховую накидку. Мощные прожекторы льют ослепительный свет, фасады всех домов по периметру площади занавешены огромными флагами со свастикой. Прямо под нашей платформой толпятся кинооператоры: курят возле своих трехногих камер, притоптывают замерзшими ногами, кутаются в пальто в ожидании главного. Глядя вниз, я вижу лица людей, обращенные в нашу сторону, крошечные флажки в их руках.

Мама стискивает мою ладонь.

– Очередь Карла, – шепчет она.

Карл, очень серьезный, одетый в форму, делает шаг вперед. Левой рукой он берется за знамя, правую поднимает: три пальца, прямые как стрела, вытянуты к небу. Приподняв подбородок, он не мигая смотрит перед собой.

– Адольф Гитлер, – не дрожащим голосом начинает он, – ты наш великий вождь.

Враги трепещут от звука твоего имени.

Настанет твой Третий рейх, воля твоя пребудет
законом на земле.

Дай нам слышать твой голос и не оставь нас
своей командой,

Ибо мы будем покорны тебе до конца и отдадим
за тебя жизнь.

Слава тебе! Хайль Гитлер!

У меня перехватывает горло, жар волной поднимается откуда-то из глубин моей души. Карл, лучший брат в мире, темноволосый, темноглазый и красивый, вступает в ряды гитлерюгенда. Отныне его жизнь при надлежит Гитлеру.

Он принимает вождьденный кинжал и возвращается к своему шару². Следующий мальчик выходит вперед и повторяет клятву. Когда посвящение проходят все, отряд покидает трибуну и возвращается на площадь. Весь ее периметр занят отрядами гитлерюгенда, а за ними радуется и машет флажками толпа.

Операторы проверяют камеры. На сцену выходит человек, подходит к единственному микрофону в центре и щелкает по нему. Раздается треск. Главное событие вот-вот настанет.

Но ждать приходится долго. Я уже не чувствую пальцев. Сколько я ни дышу себе в ладони, как ни притоптываю ногами, все равно холодно.

И вот наконец грянули фанфары: оркестр играет Ферен-

² Шар – территориальное подразделение гитлерюгенда, соответствовало городам, общинам и округам. Здесь отряд около шестидесяти человек.

ца Листа. Толпа мгновенно стихает, все головы как одна обращаются к въезду. По площади медленно ползет черный «мерседес» с открытым верхом. Холод, жесткий стул – все мгновенно забыто. Это он. Величайший из людей, новый отец моего брата.

У трибуны автомобиль останавливается, из него выходит фюрер и поднимается к микрофону. Он проходит так близко от меня, что я могла бы коснуться его рукой. Папа быстро и громко хлопает в ладоши и широко улыбается. Герр Гитлер невысок ростом, быстр в движениях и невероятно хорош собой. Он в коричневом костюме, на рукаве – повязка со свастикой. Его волосы – темные, как мои, – элегантно зачесаны на сторону.

Мгновение он окидывает взглядом толпу. Вскидывает к небу кулак и тут же прижимает его к груди. Толпа сходит с ума, разражаясь криками: «Зиг хайль! Зиг хайль! Зиг хайль!» – но, стоит только Гитлеру выбросить обе руки вперед, как все стихают, хотя он не произнес ни слова.

– Приветствую тебя, молодежь Германии! – наконец выкрикивает он. – Наша воля в том, чтобы этот Рейх стоял тысячи лет. И мы счастливы, зная, что будущее принадлежит нам безраздельно!

Мама вцепляется в мою ладонь и стискивает до боли. Ее глаза полны слез. Фюрер умолкает, обводит трибуну взглядом. Глаза у него синие, как волны, они словно ищут кого-то на трибуне, среди крупных городских чиновников, пока не

находят меня.

У меня перехватывает дыхание, кружится голова.

– Ты, юность, – говорит он, глядя на меня, – за будь о слабости. Жестокая, властная, бесстрашная, сильная – вот какая молодежь мне нужна. Молодежь, перед которой содрогнется мир. Которая не отступит перед болью. Нерешительная, нежная – это не про мою молодежь.

Но почему он говорит это мне? Я уже не различаю слов: странный гул наполняет мои уши, дымка застилает глаза. Вижу только, как шевелятся его губы, слежу за взмахами его рук. Прядка волос выбивается из его зачесанной набок челки и падает на лоб.

Он уже не смотрит на меня, теперь его вниманием владеет многотысячная толпа на площади, но я все еще чувствую его взгляд. И этот взгляд как мост между нами, по которому яростное белое пламя перетекло от него ко мне. Он заметил меня.

Он увидел, что я не такая, как все. Значит, меня ждет великое будущее!

– Так я создам Новый порядок, – говорит в это время фюрер, и слюна фонтаном брызжет у него изо рта, а тело вибрирует от силы его слов. – С ним мы одержим победу!

Слова льются из его рта, гигантской волной вздымаясь на площади. Он говорит о прекрасном будущем, в котором не будет нищеты, не будет деления на классы. Только один великий и единый народ на зависть всему остальному миру.

— Миру, которым однажды будешь править ты, германская молодежь. — И он указывает на шеренги гитлерюгенда.

Фюрер как магнит, его силе невозможно противиться, она тянет, влечет меня к себе. Когда он заканчивает свою речь, мои глаза полны слез.

Мы — немцы, и мы едины.

Едины против всего мира.

Я парю. Сначала только над трибуной и толпой. Потом над Аугустусплацем и великим городом Лейпцигом. Над Германией. Взлетаю все выше, пока Земля наконец не оказывается подо мной, и я, словно Господь, вижу ее круглый бок, вижу, как она с другими планетами летит через пространство и время вокруг Солнца, а на ней, в самом ее центре, наша благодатная страна с дремучими лесами, обширными полями, с озерами, кишачими рыбой, с заводами, шахтами, со своей армией. Я вижу ее народ: добрый, честный и трудолюбивый. Весь мир угнетал его долго и жестоко, и вот он восстал. Восстал, чтобы показать миру, кто мы есть, и забрать то, что принадлежит нам по праву. Мы — сила, противиться которой нельзя, как нельзя противиться силе притяжения.

Снова вступает оркестр, теперь он выбивает ритм, похожий на пляску древних воинов перед битвой. Ритм пульсирует в моем теле, в моей крови, пока великий фюрер покидает площадь, стоя в своем автомобиле, как торжествующий

римский император на колеснице. За ним маршируют факелоносцы. Освещение на площади приглушено, и во внезапно сгустившейся тьме языки пламени в центре Аугустусплац сливаются в огненную реку.

Темной холодной ночью мы с мамой возвращаемся домой. Папе еще пришлось заглянуть на работу, а Карл остался с друзьями.

– Мам, а когда я смогу поступить в гитлерюгенд? – спрашиваю я.

Дыхание облачками вырывается из моего рта. В свете фонаря они похожи на дым. Церемония оставила неизгладимый след в моей душе. У меня такое чувство, что Он воззвал ко мне и я должна Ему ответить. Он хочет, чтобы именно я сыграла великую и славную роль в будущем Германии.

– Глупышка, – отвечает мама, – гитлерюгенд только для мальчиков.

– Но есть же другая секция, для девочек – юнгмедельбунд.

– Папа считает, что для девочек это плохо.

– Почему?

– Потому что главная забота девочек – это дом.

– Но я не люблю домашние заботы. Я хочу ходить в походы, играть в игры, петь песни и маршировать, как Карл со своими друзьями. И вообще, мне ведь уже двенадцать лет!

– Вот именно поэтому тебе лучше посидеть дома, как сказал бы папа.

– Но так нечестно! Все мои подружки вступают в юнгмедельбунд. Что они обо мне будут думать, если я не вступлю?

– Не преувеличивай. – Мама пожимает узкими плечами. – Многие родители считают, что для девочек это лишнее. И герр Гиммлер с этим согласен. По его словам, девочки в форме и с рюкзаками за спиной выглядят смехотворно, а если они еще и маршируют при этом, то его просто тошнит. Ну же, идем, Хетти!

До самого дома я молча плетусь за мамой.

Все равно вы меня не остановите. Я найду способ.

С такими мыслями я поднимаюсь к себе и готовлюсь ко сну.

Я уже лежу, руки и ноги гудят от усталости, но сон все не идет. Приходит Карл, я слышу, как мама встречает его в прихожей:

– Мой милый! Как мы тобой гордимся... Ты лучший мальчик в мире... И далеко пойдешь в жизни, я знаю.

Хлопает дверь комнаты Карла. Мама тихо поднимается к себе. Свинцовая тишина опускается на дом, она придавливает меня к кровати, которая уже превратилась в место пытки: спутавшиеся одеяла, сбившиеся простыни. Я встаю, накидываю на плечи теплую шаль, сажусь у окна. И смотрю в темноту.

На улице пусто и тихо, неподвижные ветки старой вишни словно вычерчены на фоне ночного неба. Легкие облачка скользят по лунному диску, и я, успокоенная мирным пей-

зажем, прислоняюсь головой к деревянным ставням и вглядываюсь в портрет Гитлера над камином. Каждый раз, когда мама говорит что-то о врагах Германии, мне делается страшно, но его речь придала мне смелости. Не важно, вступлю я в гитлерюгенд или нет, мне все равно суждено сыграть роль в его великом новом Рейхе. Ему все равно, что я девочка, и никто – ни мама, ни папа, ни Карл – меня не остановит.

Крохотный червячок сомнения просыпается в моей душе. До сих пор я была уверена, что хочу стать врачом. Но что, если Карл прав? Я вспоминаю сегодняшнюю церемонию, тот миг, когда я встретила взгляд фюрера, и он произнес те невероятные слова, сказал их прямо мне. И тут я все понимаю. Я знаю, что мне делать.

Подбежав к книжному шкафу, я снимаю с полки дневник, который Карл подарил мне давным-давно, и, не зажигая электричества, при свете луны пишу:

Мой Гитлер, я посвящаю свою жизнь тебе. Скажи мне, что ты хочешь, и я все сделаю, ведь отныне и навсегда каждый мой шаг принадлежит тебе. Ты будешь гордиться тем, что я одна из твоих дочерей. О великий, великий фюрер...

Я просыпаюсь, словно от толчка, и чувствую, как затекли и одеревенели поджатые ноги. Шаль соскользнула с плеч, и холод пробирает до костей. Внизу, на улице, мягко урчит мотор. Я выглядываю в окно. Папа!

Он выходит из машины, и я уже поднимаю руку, чтобы

постучать по стеклу, но передумываю: вдруг папа рассердится, что я еще не сплю.

Папа обходит автомобиль и открывает дверцу с другой стороны. Из нее появляется второй пассажир, женщина, ее лицо скрыто под шляпкой. Неторопливо они проходят по тротуару и останавливаются прямо под фонарем. Папа поворачивается к женщине лицом. Медленно кладет руки ей на талию, так же медленно притягивает ее к себе, обнимает. Женщина поднимает голову, и в круге света от фонаря я вижу бледное круглое лицо Хильды Мюллер. Глаза у нее закрыты, рот, наоборот, приоткрыт: толстые ярко-красные губы похожи на резиновое кольцо. И тут папа, мой папа, наклоняется и целует этот отвратительный рот. Долгим поцелуем.

Я, словно прилипнув к окну, не могу оторвать глаз от этой сцены. Но вот все закончилось, фройляйн Мюллер возвращается в машину, дверца хлопает, и автомобиль отъезжает. Папа стоит на тротуаре, руки в карманах, и смотрит ей вслед. Потом поворачивается и идет к дому. Металлическая калитка, скрипнув, закрывается.

Утром я просыпаюсь с сильной головной болью. В окно бьет яркий утренний свет: ночью, ложась в постель, я забыла опустить жалюзи. Сойдя вниз, я вижу, что проспала завтрак, а мамы уже нет дома. Вот еще одна забота. Рассказывать маме о том, что я видела ночью, или не надо? При одной мысли об этом меня охватывает ужас. Берта подогревает мне моло-

ко и делает бутерброды с колбасой.

– Доброе утро, соня, – говорит, входя в кухню, Карл.

– Мне надо с тобой поговорить, – шепчу ему я, когда Берта отворачивается к раковине. – С глазу на глаз.

– Ладно. На дереве? – Он приподнимает брови.

Мы сидим на деревянном полу и, укрывшись одним одеялом, едим колбасу с хлебом. На улице холодно, но здесь, в нашем тайном убежище, нам обоим уютно и тепло.

– Как ты думаешь, стоит говорить маме? – спрашиваю я, рассказав все, что видела ночью.

Карл трясет головой:

– Тебе это приснилось, Хетти. Ты же такая фантазерка.

– Но я не спала, Карл. Я их видела. Это было ужасно.

– Да ну, не смейся. Время было за полночь. Ты заснула у окна, сидя, вот тебе и приснился дурной сон. И вообще, с какой стати папе целовать фройляйн Мюллер? У нее же задница, как у коровы. – Карл хохочет. – Му-у, – говорит он, раздувая щеки и тараща глаза.

Может, он прав. Может, мне действительно все приснилось. И я представляю себе настоящую корову с бурыми пятнами, но с лицом фройляйн Мюллер и тугими косами вместо рогов.

– Му-у, – тоже говорю я и хихикаю.

– Му-у, герр Хайнрих, поцелуемся? – Карл смеется и задирает верхнюю губу, точно как корова, когда нюхает воздух.

Я так хохочу, что слезы текут у меня из глаз. Карл тычет

меня локтем в бок.

– Вот видишь? – говорит он. – Видишь, какая это глупость?

Под деревом появляется белокурая голова Ингрид.

– Там Вальтер Келлер пришел, тебя спрашивает, – говорит она Карлу.

Мое сердце пускается в галоп.

Морщина пересекает лоб Карла. Я жду, что он отшвырнет одеяло и бросится по лестнице вниз, оборвав наш приватный разговор. Но брат сидит совершенно неподвижно.

– Скажи ему, что меня нет дома, – отвечает он Ингрид и, видя мое удивленное лицо, поясняет: – Мне все равно скоро уходить. Парни из гитлерюгенда ждут.

Его серьезность тут же сменяется улыбкой, он валит меня на пыльный пол и начинает щекотать.

– Хватит! Я не хочу играть в эту игру! – воплю я, отбиваясь.

– В чем дело?

– Зачем ты отослал Вальтера?

Карл толкает меня в плечо и садится.

– Тебе какое дело? – сердито спрашивает он. – Он был моим другом, а не твоим. Теперь у меня новые друзья. Вальтер мне не нужен. – Он встает и начинает спускаться. – До встречи, Мышонок.

Я еще долго сижу, спустив ноги в дыру в полу. Наконец мне становится совсем холодно.

Значит ли это, что я больше не увижу Вальтера? Как такое возможно?

Нет, Карл, новые друзья – это еще не причина отказываться от старых. По крайней мере, я от своих отказываться не собираюсь. Ведь настоящие друзья редки и потому ценны. Как бриллианты.

11 февраля 1934 года

Серые улицы Лейпцига укрыл пушистый белый снег. Тонкие ветки старой вишни чернеют сквозь хрустальный покров, словно дерево явилось прямо из сахарно-карамельного мира «Щелкунчика».

Сегодня первый день зимних каникул, и Томас, одетый совсем не по погоде, прыгает на крыльце с ноги на ногу. Губы у него синие от холода.

– Пойдем погуляем, – зовет он меня. – А то я тебя совсем не вижу. – И он дергает носом, поправляя очки.

– Мне же теперь много задают. – Я стою, упираясь рукой в косяк.

Глаза у Томаса слишком большие для его худого лица и круглые, как у совы. За моей спиной теплый дом, на кухне Берта печет цимтштерне. Запах топленого сахара с корицей чувствуется даже здесь.

– Можно слепить снеговика в Розентале. – Дыхание паром вырывается из его рта и струйкой встает над головой, и почему-то я вспоминаю Карла, который отказался от дружбы с Вальтером, и свою клятву никогда так не поступать.

– Ладно, иду, – говорю я, и лицо Томаса расплывается в такой широкой улыбке, что глаза превращаются в щелочки.

Я натягиваю сапоги, надеваю пальто, беру пару теплых перчаток. Вспоминаю голые руки Томаса. От него всегда

пахнет плесенью, а еще потом, грязью и горем. Но ведь и мы когда-то были бедными, так что не мне его осуждать. И я нахожу вторую пару перчаток, а еще теплую шерстяную шапку.

– На держи. – Я протягиваю вещи ему. – Можешь не возвращать.

Он берет их, щупает шерстяную ткань.

– Спасибо, Хетти, – бормочет он, не поднимая глаз, натягивает сначала шапку – глубоко, на самые уши, потом перчатки. – Тепло, как от печи, – говорит Томас, хлопает в ладоши и робко улыбается мне.

Снежинки медленно падают с неба, серого, точно гранитная плита, и опускаются на сугробы вдоль о грады. Перейдя Пфаффендорферштрассе, мы подходим к большим железным воротам – это вход в парк. На виске Томаса я замечаю большой, расплывчатый желтовато-зеленый синяк. Если яблоко несколько раз уронить на пол, то на нем тоже появятся такие пятна. Я думаю: «Интересно, а внутри он тоже пятнистый и дряблый?»

– Отец потерял работу, – говорит Томас, пока мы идем, пиная свежий, нетронутый снег.

– Да ты что? А другую не нашел?

– Другой нет. – Рукой в моей перчатке Томас ведет по верху металлического ограждения; кучка снега впереди его пальцев растет, пока не обрушивается вниз. – Пришлось переехать на Халлишештрассе, в дядькину квартиру над его башмачной мастерской. За старую платить было нечем, вот

нас и выкинули.

– Он может пойти в штурмовики, – говорю я, вспоминая, как папа недавно говорил о большом рекрутском наборе в штурмовые отряды. – Коричневым рубашкам всегда не хватает людей, – добавляю я со знанием дела.

В ответ Томас не то кашляет, не то смеется.

– Да он лучше будет смотреть, как мы загибаемся с голоду, чем в штурмовики пойдет. Сколько раз уже говорил, что ему, видишь ли, не по пути с убийцами. – Последнее слово Томас произносит с презрением. – Хотя у них и форму дают, и оружие, как в настоящей армии. – При мысли об оружии вид у него становится мечтательным.

«У нас с Рёмом проблема, – вспоминаются мне папины слова, которые он сказал недавно маме. – Два миллиона голодных мужчин. Без контроля. С этим придется разбираться...»

– А твоя мама что?

– Да ей-то все равно, лишь бы он еду домой приносил. А он ничего не приносит, только слоняется, как бездельник. – И Томас тяжело вздыхает.

Мы проходим между высокими каменными столбами, отмечающими вход в парк. Перед нами раскидывается Розенталь – такой большой и ослепительно-белый, что я невольно прищуриваюсь.

– И что, он даже на фабрике не может работу найти?

Томас мотает головой:

– Я же говорю. Работы нет. Тебе повезло... Ого, какой снег глубокий. – Он поддевает снежный покров ногой, сходит с дорожки и тут же проваливается в снег по самую щиколотку.

Мы пускаемся бегом, но снег рыхлый, и бежать не получается. Тогда мы нагибаемся и сгребаем белую пушистую массу горстями.

Вдруг что-то со свистом пролетает мимо нас и с силой врежется Томасу в шею, как раз между воротником и шапкой. Он, ойкая, выскребает снег с куском льда из-за ворота тонкого, не по сезону, пальто, и тут второй заряд, пущенный с такой же убийственной точностью, прилетает откуда-то сбоку и врежется ему в голову.

– Ой!

Пока Томас трет ушибленное место, из-за кустов выскакивают четверо мальчишек и с гиканьем и воплями начинают швырять в нас кусками льда, в которые вмерз песок. Я узнаю их – это братья Брандт из нашей старой школы. У них вечно был зуб на Томаса. И надо же было нам наткнуться на них сейчас.

Мальчишки берут Томаса в кольцо, а меня отталкивают. Я вижу их спины, слышу голоса, но слов не разберу – они говорят тихо. Один пацан пинками подбрасывает комья снега, умудряясь попадать Томасу прямо по голым тощим коленкам. Узел гнева затягивается у меня в животе. Их четверо, а он – один. Разве так честно?

– Бедный мальчик Том, – говорит Эрнст Брандт. – Папочка не разрешает ему вступить в юнгфольк. – Он хохочет. – Еще бы, он же там сдохнет! Его будут бить за то, что он сыт в постель!

Братья дружно хохочут.

– Дурак, ничего я нессу, – возмущается Томас и плечом пробует спихнуть Эрнста с дороги.

Эрнст тут же набрасывается на него, а трое других вопят, подбадривая брата. Он в два раза крупнее Томаса, так что во мне прямо закипает гнев. Даже не гнев, а ярость на этих отпетых хулиганов, которые вечно пристают к замухрышке Томасу. Последние месяцы слетают с меня, точно шелуха, и я снова становлюсь собой прежней, из тех времен, когда мы с Томасом вдвоем противостояли этому подонку, который избивал Томаса в кровь просто так, забавы ради.

Я бросаюсь на Эрнста сзади и впиваюсь ногтями в нежную кожу под подбородком. Все трое мы валимся на землю, я сверху, Эрнст подо мной заводит назад руки, стараясь схватить меня за что-нибудь. Он вопит как резаный, пытаюсь стряхнуть меня, а я продолжаю царапать ему лицо.

– А НУ ПРЕКРАТИТЕ НЕМЕДЛЕННО! – раздается громкий и яростный крик.

Чьи-то руки хватают меня сзади за плечи, отрывают от Эрнста и, развернув в воздухе, отпускают.

– Фройляйн Герта! Деретесь с мальчишками, как бездомная собачонка! Как не стыдно. – Передо мной стоит Берта –

щеки от гнева пошли красными пятнами, глаза выпучены. – Что скажет ваша мама?

Грудь кухарки поднимается и опускается, дыхание вырывается из нее облаками пара, отчего она становится похожа на большой кухонный чайник, закипающий на плите.

Эрнст и Томас прекращают валтузить друг друга и медленно поднимаются на ноги. Оба в снегу с макушки до пят. Трое братьев Брандт, разинув рты, глядят на Берту.

Та переводит взгляд с меня на Эрнста и ахает. Лицо у него в крови, а под моими ногтями грязь и клочки кожи. Томас нагибается, нашаривает в снегу очки – одно стеклышко треснуло, – насаживает их себе на нос.

– Только посмотрите, что вы сделали с лицом этого мальчика, фройляйн Герта! – вопит наша кухарка. – Вы же ему кровь пустили!

– Берта, он первый начал. Он напал на Томаса, а я его защищала. Эти трое... – я киваю на братьев, – наверняка вмешались бы, если бы я не... В общем, у него не было шансов.

Берта смотрит на Томаса.

– Это правда? – спрашивает она строго.

Томас кивает и смотрит в землю.

Эрнст носовым платком молча вытирает с лица кровь.

– Хм... – тянет Берта. – Тоже мне, придумали драться с девочкой, – говорит она, оглядывая четверых братьев по очереди. – Идите-ка лучше домой, пока я вам всем тумачков не надавала.

Руки в карманах, голова гордо приподнята, Эрнст дефилирует мимо нас, братья за ним.

— Ты жалок, — шипит он Томасу, проходя мимо. — Девчонке приходится драться за тебя. — И он сплевывает на снег.

Берта, сложив на груди руки, смотрит ему вслед, потом поворачивается ко мне. Ее взгляд уже не такой суровый, как прежде.

— Вы храбро себя повели, фройляйн, что вступились за друга, — говорит она. — Но все равно глупо. Вы же барышня, а барышни не дерутся. Вот и все тут. А теперь марш домой!

Томас и я медленно бредем к нашему большому дому на Фрицшештрассе, откуда он один пойдет в крохотную квартиру на Халлишештрассе, где они теперь живут с дядей-сапожником. Мой случайный друг, встреченный давным-давно, когда ни у него, ни у меня еще не было выбора.

— Спасибо, — бормочет он у самой калитки.

— Не за что.

— До завтра?

— Может быть... Пока, Томас.

— Пока, Хетти.

Я взлетаю по лестнице через две ступеньки и закрываю за собой дверь. Ненадолго прислоняюсь к ней спиной и представляю, как Томас стоит у калитки и смотрит туда, где я была только что.

Надеется — вдруг я к нему вернусь.

20 апреля 1934 года

– С днем рождения, – шепчу я портрету Гитлера, босиком шлепая к окну, открываю жалюзи и впускаю в комнату утреннее солнце.

Вишневое дерево все в острых язычках бутонов, розовых, как сахарная вата. Я распахиваю окно, чтобы слышать пение птиц, и снова забираюсь в постель, которая еще хранит мое тепло. Там я сажусь, подложив под спину подушку, и ловлю взгляд Гитлера, который глядит на меня с портрета над каминной полкой, как раз напротив кровати.

В дверь спальни кто-то колотит кулаком, и я вздрагиваю.
– Быстрее, Хетти. В школу опоздаешь! – слышу я голос Карла.

– Я почти одета. Иду! – отвечаю я и нехотя выползаю из кровати.

Внизу все уже сидят за завтраком, по радио передают утренние новости.

– ...Сегодня Герман Геринг передает управление государственной тайной полицией в Пруссии – гестапо – рейхсфюреру Генриху Гиммлеру...

Мама смотрит на папу:

– Ты знал?

Папа приподнимает брови и перестает жевать, чтобы лучше слышать.

– ...В Австрии правительственные оппозиционеры в составе восьмидесяти одного человека отправлены в тюрьму Вёллерсдорф...

Папа теряет интерес и выключает радио.

– В утреннем брифинге Геббельса об этом ничего не было. Все сделано шито-крыто.

Я наливаю себе теплого молока, беру пумперникель с сальсами и сажусь рядом с мамой.

– Теперь дела пойдут веселей, – говорит папа. – Интересно, что Геринг будет делать дальше? – Он бросает взгляд на часы. – Опаздываю. Надо успеть послать журналиста в Берлин, пусть раздобудет что-нибудь для газеты. Если окажется расторопным, то мы получим материал к завтрашнему номеру. – Папа откидывается на спинку стула. – Помяните мое слово, это назначение сулит нам всем перемену к лучшему. На улицах сейчас хаос, а заварили его евреи и коммунисты, но ничего, Гиммлер с Гейдрихом скоро окоротят им руки. Так что это и впрямь хорошая новость, Елена. Очень хорошая. Сейчас буквально каждый немецкий гражданин должен работать на благо Рейха, а эти люди позаботятся о том, чтобы так оно и было. – Папа промокает рот салфеткой и встает, отодвигая стул. – Мне пора. – Целует маму и, выходя, взъерошивает мне волосы.

– О чем это он? – спрашивает Карл, когда папа выходит. – Какой хаос на улицах?

Я гляжу в окно. На Фрицшештрассе тишина и покой. На-

верное, беспорядки где-нибудь в Берлине, в Галле или в Мюнхене. Надеюсь, до респектабельного Голиса они не доберутся.

– Люди голодают, Карл, – говорит мама, и ее лоб прорезают морщинки. – Хотя с тех пор, как к власти пришел Гитлер, дела идут все лучше и лучше, работы многим не хватает. А голодные люди, которым нечем себя занять, – лучшая почва для беспорядков. Хуже того, именно такие люди особенно охотно прислушиваются ко лжи и пустым обещаниям наших врагов. Но проблемы зрели в Германии не один год, и никому не под силу решить их все за такое короткое время. Надо подождать. Но одни слишком глупы и потому не доверяют Гитлеру. А другие злонамеренно пытаются его подсадить. Сильный вождь – вот в чем сейчас особенно нуждается Германия. И к счастью, он у нас есть.

Я смотрю на еду у себя на тарелке. *Спасибо тебе, Гитлер, за то, что я не голодаю.*

– А папе тоже грозит опасность? – спрашиваю я, смутно понимая, что его обязанности как члена СС каким-то образом связаны с защитой Гитлера и его партии. И представляю себе, как где-нибудь на улице Лейпцига отца окружает банда хулиганов: их много, а он один, совсем как Томас недавно.

– Нет, конечно, – быстро отвечает мама. – Но у него очень важная работа: он следит за тем, чтобы через нашу газету «Ляйпцигер» жители города узнавали правду и учились отличать ее от лживых измышлений сомневающих и клевет-

ников, – уверенно добавляет она.

– Но что он все-таки делает, когда надевает форму отряда охраны?

– Он старший офицер, Хетти, – смеется она. – Он все организует, пишет бумаги. Ну ладно, хватит болтать. Вам пора в школу, а мне надо навестить моих подопечных, старых солдат.

Я залпом допиваю молоко, и мы с Карлом идем в прихожую, где надеваем пальто и берем ранцы.

– Пока, мамочка, – говорю я и целую ее в щеку.

– Пошли, смешной Мышонок, – говорит Карл, широко распахивает дверь и придерживает ее, пропуская меня вперед. – Со мной ничего не бойся. Никогда.

После занятий я жду Эрну у больших двустворчатых дверей школы. Ученики покидают классы, собираются в коридорах и стайками бегут на свет солнечного дня. Вдруг в толпе появляется Вальтер: он один, без компании. Я жду, что он посмотрит в мою сторону, но он идет, не поднимая головы. Мне хочется потянуться к нему, тронуть его за плечо, спросить, что за размолвка вышла у них с Карлом, но моя рука висит, словно плеть, и Вальтер проходит мимо.

Выйдя из школы, я вижу Томаса, и у меня падает сердце. Он сразу направляется к нам с Эрной, та подталкивает меня локтем в бок.

– Кто это? – шепчет она. – Твой ухажер?

– Не говори ерунды. Это просто Томас из моей старой школы, – шепчу я в ответ одним уголком рта: Томас близко и может нас услышать.

Какой он неряшливый и грубый, прямо как старая тусклая монетка среди блестящих новеньких пфеннигов. Мне хочется схватить Эрну за руку и убежать, но поздно.

– Привет, Томас из старой школы, – говорит Эрна и фыркает, а я невольно делаю шаг назад.

– Привет. – Томас неуверенно переводит взгляд с меня на Эрну и обратно.

Он дергает носом, поправляя уродливые очки. Тонкая блестящая струйка вытекает из его розовой ноздри и стекает на губу. Он высовывает язык и слизывает ее.

Эрна отворачивается. Забросив на плечо ранец, она машет рукой.

– До завтра, Хетти, – говорит она и оставляет меня один на один с Томасом.

Быстрым шагом я иду в сторону дома, Томас плетется за мной.

– Как твои дела? – начинает он.

– В порядке. Твои как?

Он пожимает плечами.

Я вспоминаю разговор за завтраком, и мое сердце смягчается.

– Ну как, твой отец нашел работу?

– Не-а.

– Он мог бы пойти в полицию. Или начать работать на партию.

– Ну да. Он раньше сдохнет.

– Но это же глупо. Почему?

– Потому что он коммунист, а наци ненавидит.

Я встаю как вкопанная. Весенний ветерок, который ерошит наши волосы, подхватывает слова Томаса, но почему-то не уносит их прочь. Тяжелые и страшные, они повисают между нами.

– Врешь ты все.

– Нет, не вру. – Мы идем дальше, Томас шаркает ногами по тротуару: ему велики ботинки. – К нему на дядькину квартиру приходит один поляк, Бажек, и еще другие, с кем он раньше работал на фабрике. Я слушал под дверью.

– И о чем они говорят? – Я подхожу к нему совсем близко и задаю вопрос шепотом.

– Да так, то про одного типа, то про другого, как тем плохо пришлось. О наци, как они запугивают и избивают людей. И еще о том, что им запрещают встречаться, но их это не остановит. Это все Бажек. Он у них главный.

– Коммунисты – предатели, – шепчу я ему.

– Я знаю... – так же шепотом отвечает он.

В школе мы проходили раннюю жизнь Гитлера. Нам рассказывали о том, как он хотел стать художником. С ранних лет шел против воли родителей, и, сложись его жизнь иначе, он бы не оказался сейчас там, где он есть. Мы узнали о

несчастьях, которые выпали на его долю в 1920-х, когда его судили за измену и посадили в тюрьму. Но трудности только закалили его волю. Борьба за будущее германского народа казалась тогда безнадежной, но он не опустил руки – и победил. Вот почему мы все должны быть как фюрер и всегда идти до конца, даже если придется рисковать жизнью. Передо мной встает его лицо. *Помоги мне.* Вид у него серьезный и строгий, но вдруг он подмигивает мне голубым глазом и говорит решительно и звучно: *Дитя мое, ты должна сделать правильный выбор. Твой долг – вести за собой других, указывать им путь. Скажи Томасу, что и я поступал вопреки желанию родителей. Не поддавайся слабости, Герта. Будь бесстрашной во всем, за что берешься...*

Видение исчезает, а по моей коже бегут мурашки. Так вот чего он хочет от меня. Я должна стать не доктором, а тем, кто помогает другим сделать правильный выбор. Перед моим мысленным взором встают солдаты из дома инвалидов – их изувечили враги. Теперь я знаю, в чем состоит мой долг.

– Идем со мной, Томас. Мои родители не будут возражать. Пообедаешь у нас, побудешь до вечера, если захочешь.

– Правда? – У Томаса загораются глаза.

– Конечно.

Впереди я вижу двух дряхлых стариков, которые медленно ковыляют навстречу со стороны Берггартенштрассе. Он тяжело опирается на трость, она держится за его локоть. Мое сердце радостно подпрыгивает при виде Флоки, кото-

рый бесшумно семенит возле них, черный, словно клякса.

Я показываю на них пальцем и шепотом говорю Томасу:

– Они евреи.

Он оборачивается и с отвращением морщит нос.

– Давай подойдем ближе, – говорит Томас, и в его глазах появляется выражение, которого я никогда в них раньше не замечала.

Мы подходим совсем близко, и вдруг Томас вопит:

– Фу-у, чем это тут так воняет!

Гольдшмидты останавливаются и молча смотрят на нас.

– Скажи что-нибудь. – Томас толкает меня в бок.

Я открываю рот, но слова не идут у меня с языка. Эти двое такие старые и слабые.

– Ну же, – подначивает меня Томас. – Покажи им, кто тут главный.

Он поворачивается к старикам и смачно сплевывает. Большой белый харчок шлепается на тротуар как раз перед ними. Меня начинает тошнить.

Томас снова толкает меня.

Мне удастся выдать из себя несколько слов.

– Пахнет свиньями, – говорю я почти шепотом.

– Громче! – требует Томас.

Всего несколько шагов разделяют теперь их и нас. Я напоминаю себе, что фрау Гольдшмидт злая; она накричала на меня и не дала мне погулять с Флоки. Пусть получит то, что заслужила. На герра Гольдшмидта я стараюсь не глядеть.

– Еврейские свиньи! – Мой голос набирает уверенность. Фрау Гольдшмидт бьет дрожь, а Томас хохочет. Это придает мне смелости. – Отвратительно! Как можно жить рядом со свиньями? – Я не гляжу на Гольдшмидтов, и слова даются мне легко. Вот они уже льются из меня потоком, кислым и противным, как рвота. – Свинарники. Свиньи должны жить в свинарниках, а не в домах!

Моя голова наполняется звоном. Мы с Томасом сначала хохочем как сумасшедшие, потом бежим прочь, на другую сторону улицы.

Но выражение морщинистого лица герра Гольдшмидта и рука его супруги, которая лежит на его локте и дрожит так, словно подпрыгивает, врезаются мне в память, и чувство тошноты не проходит, когда мы оставляем их позади.

Нельзя стать вождем, если не веришь в то, что делаешь. Это голос Гитлера. Я поднимаю голову, выпрямляю плечи и согласно киваю. Он прав. Нельзя позволять себе слабость; у меня есть дело, и исполнить его могу только я.

Мы стоим в папином кабинете, плечом к плечу. Я крепко держу Томаса за руку, чтобы тот не трусил. Он совсем онемел от страха.

Обводя комнату взглядом, в первый раз вижу ее глазами Томаса: огромный письменный стол с кожаной столешницей, массивное папино кресло, от пола до потолка – полки с папками и трудами вождей, и сам папа – светлые волосы гладко зачесаны назад, черная форма придает внушительности

крупному телу.

– Ну? – Папа приподымает светлую бровь, глядя на нас поверх полукружий очков для чтения.

Воздух в комнате спертый, пахнет застарелым сигарным дымом и терпким алкогольным духом – виски.

Томас стоит, как в рот воды набрал, и я начинаю бояться, что он передумает или папа потеряет терпение и выгонит нас из кабинета.

Забудь о слабости. Молодежь, перед которой содрогнется мир.

– Папа... – начинаю я неожиданно громким голосом. – Ты же помнишь Томаса? Он хочет кое о чем доложить, но боится и не знает, с кем ему поговорить. Я подумала, может быть, ты его выслушаешь.

Папа откладывает ручку и откидывается на спинку кресла:

– Что ж, мальчик, я слушаю.

Томас прокашливается и наконец-то начинает говорить:

– Я, это... насчет моего отца. Точнее, насчет того поляка Бажека. По-моему, он коммунист.

Папа выпрямляется в кресле. Томас смотрит на меня. Я киваю ему: все в порядке.

– Почему ты так думаешь, сынок?

– Я его слышал. Он и отца моего впутал. А еще я нашел листовки...

– Какие листовки? – перебивает его папа.

– С пропагандой.

Я улыбаюсь Томасу. Он молодец, справляется.

– Они устраивают дискуссии. Называют Гитлера идиотом. Говорят, что совсем скоро люди увидят, как их обманули. А еще они говорят о разных знакомых и обсуждают, на чьей те стороне.

– А как их зовут, ты помнишь? – спрашивает папа.

– Кажется, да. Некоторых. – Томас переминается с ноги на ногу. – Иногда, когда нас с братьями отправляют играть на улицу, я прокрадываюсь в дом и слушаю. Они говорят о победе рабочего класса, о революции, а еще о преступлениях богатых и всяком таком. Только я забыл...

– Ничего страшного. – Папа подвигает к Томасу листок бумаги, протягивает ручку. – Вот, напиши здесь имена.

Мы оба смотрим на Томаса, пока тот, скрипя пером по бумаге, выводит пару имен. Задумывается, вспоминает, пишет еще два.

Смотрит на папу:

– Все, больше я никого не знаю.

Папа поднимается, обходит стол кругом, встает напротив Томаса и жмет ему руку:

– Ты правильно поступил, мальчик. И заслуживаешь награды. Какое у тебя звание в юнгфольке?

– Родители не разрешают мне вступать, – отвечает Томас и со стыдом опускает голову.

– Что? Тогда ты немедленно должен вступить! – сердит-

то восклицает папа, а я смотрю на него многозначительным взглядом, но он меня не замечает. – Я сам обо всем позабочусь. Хочешь стать знаменосцем, а? Это настоящая честь. Ты истинный сын Германии, ты совершил смелый поступок. Только отцу и матери ни слова, договорились? Предоставь все нам. Мы обо всем позаботимся, понятно? Хороший мальчик.

– Что с ним теперь будет? С моим отцом? – тихо спрашивает Томас. – Его арестуют?

– Ну конечно же нет. Не надо слушать сплетни. Мы просто возьмем твоего папу под охранительный надзор для его же собственной безопасности. Ты знаешь, что это такое? – (Томас мотает головой.) – Это значит, что мы увезем его далеко-далеко и будем там держать и присматривать за ним. У Германии много врагов, Томас. Мы должны следить за ними. Так что не забывай держать глаза и уши открытыми. И докладывай нам о каждой мелочи, какой бы незначительной она тебе ни казалась. Это твой долг. Рассказывай все мне или старшему по званию в гитлерюгенде. – Папа возвращается в кресло. – Не беспокойся. О твоём папе я позабочусь. Но помни: никому ни слова. Важно, чтобы все оставалось в секрете. – Он поворачивается ко мне, улыбается, подмигивает. – Отличная работа, Герта, девочка моя! Растешь, Шнуфель. Я тобой горжусь.

От его слов я на седьмом небе от счастья. Может быть, он и насчет юнгмедельбунд тоже передумает.

— Ну, ладно, — говорит он, — мне надо кое-куда позвонить. Томас, побудь пока с Гертой. Пообедаешь у нас.

Я улыбаюсь, глядя на бледное лицо Томаса, на его впалые щеки. Наконец-то он вступит в гитлерюгенд, а его отца защитят от коммунизма. Может быть, гестапо даже найдет ему работу.

Вот как хорошо все вышло, гораздо лучше, чем я ожидала.

19 августа 1934 года

– Смотри! – Эрна указывает куда-то на верх обезьяньего вольера. – Нам повезло.

Мы ставим велосипеды возле скамейки за зоопарком, там, где он вплотную подходит к парку Розенталя. Серые плосколицые звери кучкой сидят на высоких деревянных насестах у самой решетки. Вот кто-то из них перемахивает на платформу внизу. Там разложены куски фруктов. Обезьяна хватается яблоко и, крепко зажав его в кулачке, снова вскарабкивается на насест. Садится и тихо грызет, пока ее сородичи вокруг вскрикивают и стрекочут, точно болтливые старые дамы.

Прямо перед нами на широком зеленом лугу Розенталя играют малыши, носятся собаки, ошалев от теплого августовского солнца. Я вынимаю из сумки два куса Линцкого торта в коричневой бумаге и протягиваю один Эрне. Мы молча едим.

Две обезьяны отделяются от общей кучи, усаживаются в сторонке и начинают выискивать друг у друга блох. Спокойные, даже ласковые движения время от времени прерываются, когда тот или иной зверь, найдя в шерсти подруги блоху или вошь, торопливо выхватывает ее и отправляет себе в рот.

– Представляешь, если бы люди так делали. – Эрна хихикает, глядя на парочку, и толкает меня локтем в бок. – Толь-

ко представь: сидишь ты вот так со своим ухажером и ищешь ему вшей.

Я так фыркаю, что тесто с вареньем едва не вылетают у меня изо рта.

– Эрна! – фыркаю я. – Ш-ш-ш...

Она поворачивается и озорно смотрит на меня:

– А может, ты уже приглядела себе кого-нибудь, а?

– Не смей меня. Нам ведь всего по двенадцать лет.

– Мне уже почти тринадцать. А кстати, как там Карл? –

Она смотрит на меня искоса.

– Что – Карл?

– Он ведь такой красивый.

– Карл? – Я смеюсь. – Он почти не моется и вечно забывает поменять майку и трусы. – Что-то подрагивает у меня в животе. словно змея подняла граненую головку и пробует воздух язычком. Я аккуратно слизываю с пальцев варенье. – Заново проигрывать знаменитые сражения. Самолеты. Футбол. – Я последовательно загибаю пальцы: раз, два, три. – Вот и все, что любит Карл.

Пока Эрна жует и смотрит на обезьян, я разглядываю ее профиль. Изящная линия носа, высокие скулы, гладкая белая, как молоко, кожа. Она и впрямь невозможно красива...

Но Карл совсем не думает о девочках.

Эрна вздыхает и сминает коричневый бумажный пакетик из-под торта в плотный комок.

– Я говорила о тебе с отцом. – Она катает бумажный ша-

рик в ладонях. — Он сказал, что я не должна с тобой водиться.

— Почему? — Я с удивлением смотрю на нее.

— Дело не в тебе, — быстро отвечает она, — дело в твоём отце.

— Но ведь он его даже не знает!

— Наверное, я не должна была тебе об этом говорить, — продолжает она и сплюсчивает бумажный шарик между ладонями. — Но он ошибается. Я все равно буду дружить с тобой, и, что бы ни сказал мой отец, это ничего не изменит. Ты ведь всегда будешь моей лучшей подругой, да, Хетти?

И тут все вокруг застывает, словно на картине. Солнце сияет во всю мочь, яркое и золотое. Птицы поют так красиво и сладко, как никогда еще не пели, обезьянки весело резвятся, источая радость.

Я стараюсь выглядеть невозмутимой, как будто мне не привыкать слышать, как меня называют лучшей подругой.

— Конечно, — выдыхаю я и, не выдержав, расплываюсь в улыбке. — Отныне и навсегда.

С минуту мы сидим молча, довольные друг другом.

— А что твоему отцу не нравится в моем?

— Да ладно, не думай об этом.

— Просто нельзя ведь плохо говорить о том, кого даже не знаешь.

Мысль о том, что папу обсуждают где-то в других домах, кажется мне странной.

Эрна делает глубокий вдох.

– Это как-то связано с тем, как твой отец заполучил газету, – выпаливает она. – Но может быть, папа что-то не так понял.

Перед моими глазами встает сморщенное лицо злой старухи фрау Гольдшмидт. *Твой отец... украл дом... ложь и неправда...*

Зависть. Вот как называет это папа.

– Это все ложь и неправда. Люди завидуют успеху моего отца, вот и все.

Я встречаю взгляд Эрны. Она отводит глаза.

– Да, наверное, все дело в этом. – Носком туфли она ковыряет гравий. – А мой отец просто старый дурак, что слушает сплетни.

– Он должен быть осторожнее.

Обезьянки уже съели почти все фрукты и принялись гоняться друг за другом, перемахивая с насеста на насест. Парочка, искавшая друг у друга блох, снимается с места и уходит в закрытую часть вольера.

– Я вступаю в юнгмедельбунд, – говорит Эрна. – А ты?

– Папа не позволит. Он считает, что гитлерюгенд – это организация только для мальчиков.

– Но все ведь вступают. Может, ты его еще уговоришь?

– Ты моего папу не знаешь. Если уж он что решил, то его не собьешь.

Может быть, Эрна найдет себе новую лучшую подругу, когда вступит в юнгмедельбунд. Я смотрю на широкий плос-

кий простор Розенталя, вдалеке переходящий в лес. Солнце печет неумолимо, от его блеска ломит глаза. Я чувствую, как в висках зарождается боль.

Эрна ласково кладет руку поверх моей ладони. Ее глаза широко распахнуты.

– Пожалуйста, не надо говорить твоему папе о том, что сказал мой папа, ладно? – шепчет она.

– Конечно не скажу.

– Я ведь могу доверять тебе, Хетти, правда?

– Эрна... – Я смотрю прямо в ее кошачьи глаза. – Я твоя лучшая подруга. И я навсегда сохраню любой твой секрет. Обещаю.

10 сентября 1934 года

ы слышала, что доктора Крейца уволили? – шепчет Эрна.
– Когда?

– В пятницу. И еще кое-кого из учителей тоже.

Она кивком указывает на глухую стену строгих костюмов в передней части главного зала, где собралась вся школа. Да, среди них определенно есть новые лица.

– Тихо! – Голос герра Гофмана раскатывается по залу. – Сейчас перед вами выступит наш новый учитель естественных наук. Прошу вас, герр Мецгер.

Стройный молодой человек в коричневом костюме и галстуке-бабочке выходит на авансцену. У него по-юношески круглое лицо, лоснящаяся кожа и россыпь бледных прыщей на раздраженном красном подбородке. Кажется, он не намного старше Карла.

Герр Мецгер тянет за шнур, и на передней стене разворачивается большое белое полотнище. На нем крупными черными буквами написано стихотворение:

Держи свою кровь чистой,
Она не только твоя,
Она течет издалека
И будет течь еще века.
Кровь – поколений предков дар
И будущего яркий жар!

В ней – твоя вечная жизнь.

– Евгеника. Прекрасная наука о расах и генах, – негромким слащавым голоском начинает герр Мецгер. – Человечество стоит на пороге новой эры. Оно замерло в одном шаге от появления новой расы сверхлюдей, расы, свободной от преступных наклонностей, наследственных заболеваний и безумия. В этом задача научного прогресса.

Половицы скрипят под его шагами, пока он неторопливо прохаживается перед нами по краю сцены. Светлые волосы гладко зачесаны назад, голубые глаза сияют.

– Что ждет нас впереди? Улучшение качества народонаселения. Оно будет состоять лишь из самых сильных, смелых, красивых, умных и энергичных. Каждый из этих новых людей будет живым подтверждением теории Дарвина. Они будут во всем совершеннее других, а их влияние распространится по всему миру. Такова мечта, которая движет вперед науку. Да и кто не захочет помечтать о таком прекрасном новом мире?

Он перестает ходить и вглядывается в наши лица. Я тут же сдвигаю колени и выпрямляю спину.

– А он ничего, милый, правда? – шепчет Эрна мне в ухо.

– Ш-ш-ш.

– Ладно-ладно, учительская любимица, – хихикает она. Я тычу ее локтем в бок.

Герр Мецгер говорит о прогнозируемом росте населения

и о том, как дорого обходится обществу содержание растущего числа инвалидов, не говоря уже о сумасшедших, эпилептиках и слабоумных. Он показывает нам представителей разных рас и демонстрирует их место на дарвиновской шкале развития: на самом верху – нордическая раса, в самом низу – иудейская. Слава богу, французы на этой шкале стоят сразу за немцами. Хорошо, что мама родилась недалеко от Парижа. Население французского юга поражено североафриканской кровью и потому не может считаться расово чистым.

В зале жарко, герр Мецгер снимает пиджак. Эрна не отрываясь смотрит на него. Хихикает над его бесцеремонностью.

– Для арийцев жизненно важно, – продолжает герр Мецгер, – вступать в браки только с другими арийцами. Смешение арийской крови с кровью низших рас неизбежно приведет к упадку западной цивилизации, как это уже случилось в прошлом с цивилизациями античной Греции и Рима. Тех, кто страдает наследственными заболеваниями, следует подвергать обязательной стерилизации. Конечно, в этом нет их вины, но общество не должно допустить, чтобы их... недуги передались будущим поколениям. Такова неизбежность, которую придется принять ради общего блага человечества.

Я вспоминаю голос Гитлера, так ясно звучащий иногда в моей голове. Не в первый уже раз я чувствую болезненный укол страха: что, если я тоже сумасшедшая? Говорят ведь, если кто-то слышит голоса... От страха у меня намокают

подмышки, рубашка прилипает к потной спине.

Стерилизация – это больно? Я смотрю на огромный портрет Гитлера – от пола почти до самого потолка, он висит за спинами учителей.

Я сумасшедшая?

Нет, Герта. Ты избранная.

Но я же девочка!

Мне нужны девочки, Герта. Мальчики уйдут на войну, а девочки... девочки станут матерями. А матерей следует почитать. Им надо поклоняться. Потому что без матерей, без девочек у нас нет будущего.

Капли пота выступают на моем лбу. Я смотрю на Эрну, но та, не отрывая глаз, следит за каждым движением герра Мецгера, который, щелкая каблуками, расхаживает туда-сюда как раз напротив нашей скамьи. Тишина в зале стоит такая, что даже страшно становится. Все замерли, ни одна скамья не скрипит.

Герр Мецгер заглядывает в клочок бумаги, который достаёт из кармана.

– Фрида Федерман, Вальтер Келлер, выйдите сюда, оба.

Вальтер Келлер.

Время едва ползет, пока Фрида, шаркая подошвами туфель, пробирается к проходу со скамьи за моей спиной. Вся вывернувшись назад, я вижу, как, перешагивая через ноги товарищей, несколькими рядами дальше делает то же самое Вальтер. Карл сидит в конце ряда. Он перехватывает мой

взгляд. Выражение лица у него непроницаемое.

Я смотрю, как Вальтер медленно выходит на середину зала, такой подтянутый и красивый в темном костюме с галстуком. Солнечный свет льется в огромные окна, и мириады пылинок висят в его лучах. Вальтер идет прямо через них, и позади него пылинки взвихряются, взмываются в бешеном танце к потолку, но, постепенно успокаиваясь, вновь медленно падают сквозь косые лучи.

Герр Мецгер возвышается над Фридой с чем-то непонятным в руках.

– Еврейка, – выдыхает он, и дрожь проходит по нашим рядам; от его слов, таких неожиданных и холодных, ледяные мурашки ползут по моей спине. – Обратите внимание на ее курчавые волосы, – бормочет учитель еле слышно.

Слова соскальзывают у него с языка и расползаются по всему залу, точно змеи. Герр Мецгер наклоняется над Фридой так, словно перед ним не девочка, а неизвестное животное. Все внимание учителя устремлено на нее; кажется, что он совсем забыл о нас.

Тут к герру Мецгеру подходит Вальтер. Шагая неспешно и уверенно, он встает совсем рядом с Фридой. От удивления я не знаю, что и думать.

– Какой ужас, – шепчет Эрна.

– Но что там делает Вальтер?

Эрна качает головой и молчит.

Герр Мецгер, похоже, даже не заметил появления Вальте-

ра. Он поднимает инструмент, который держит в руке, и я вижу, что это кронциркуль. Учитель разводит его ножки перед самым лицом Фриды.

– Глаза у нее посажены слишком близко, – объявляет он. – Явный признак натуры интеллектуально развитой, но ненадежной.

Все молчат. Во рту у меня становится кисло.

– Видите этот огромный, вислый нос? Обратите внимание на его форму – похож на перевернутую девятку. Классический признак еврея.

Герр Мецгер медленно измеряет кронциркулем все лицо Фриды. Губы у нее слишком тонкие. Уши торчат. Завитки волос слишком крутые. По щекам девочки уже текут слезы. Она дрожит. На пол перед ней падает слезинка – сначала одна, потом еще одна.

Вальтер бочком делает еще шаг к Фриде. Рядом с ней, такой явной еврейкой, его совершенная светловолосая и голубоглазая красота особенно бросается в глаза. Я вдруг понимаю, для чего герр Мецгер его вызвал. Чтобы показать контраст между арийцем и еврейкой.

Я вижу, как Вальтер берет руку Фриды, как крепко сжимает ее в своей. Не выпускает. Так они и стоят, двое против всех, рука об руку, пока герр Мецгер не разводит их в стороны своим циркулем.

– А теперь взгляните на ее хилое, недоразвитое тело. Эта еврейка – плохая спортсменка, она не годится для спорта.

Природная лентяйка. – Последние слова он выпаливает так, что слюна брызжет у него изо рта.

Фрида зажмуривается, когда капли попадают ей в лицо.

Учитель делает шаг назад и показывает на ее ноги:

– Если снять с этой девочки туфли, то вы увидите большие, плоские, безобразные ступни. Что делает ее неуклюжей и непригодной для быстрого бега.

На лице Фриды написано такое горе, что я больше не могу на нее смотреть. Я опускаю взгляд на свои руки, которые лежат у меня на коленях.

– Может быть, хватит? – говорит Эрна, похоже, сама себе. – Ты уже все сказал...

Стремительное движение на сцене заставляет меня снова поднять глаза. Герр Мецгер вдруг резко оборачивается, хватает Вальтера за плечо, так что тот вскидывает голову. С лицом, перекошенным отвращением, учитель тычет в него так, словно перед ним не мальчик, а говяжий бок, болтающийся на крюке в лавке мясника.

– А этот еврей, – буквально рычит он, – несет в своей крови наследие тысяч лет обмана и приспособленчества. Его единственная забота – как бы преуспеть за счет других. И он втопчет в грязь любого, кто встанет у него на пути. Гнилая душа. Он будет лгать...

Комната пускается в пляс у меня перед глазами. Ужас тысячами иголок вонзается мне в затылок. Этого не может быть.

– Нет! – рвется у меня крик, но я давлюсь словом, не даю ему вылететь.

Те, кто сидят вокруг, оборачиваются, смотрят на меня, но почти сразу снова устремляют глаза на сцену.

Мне хочется крикнуть им: «Вы ошибаетесь!» Но я не могу. Хочется вскочить и убежать, далеко-далеко от этого места. Но подо мной по-прежнему жесткая деревянная скамья, на которой я сижу, словно пригвожденная, беспомощно глядя на сцену.

Герр Мецгер так сосредоточился на Вальтере, что даже не сразу понял, что происходит. Вдруг сильно запахло мочой. Она бежит по ногам Фриды, мочит ее чулки, натекает в туфли. Позади меня фыркают и сдавленно хихикают.

– О боже! – вскрикивает Эрн.

Сообразив, что Фрида описала ему нижнюю часть брюк и ботинки, герр Мецгер так быстро выпускает плечо Вальтера, словно в руке у него вдруг оказался горячий уголь.

– Убирайтесь! – произносит он низким, дрожащим голосом. – И не вздумайте возвращаться сюда, вы оба.

Одной рукой Вальтер обнимает дрожащие плечи Фриды. Она косолапо идет за ним к выходу, оставляя на полу цепочку мокрых следов. Дверь со стуком захлопывается за ними...

Наступает полная тишина, но вот герр Гофман вскакивает и спешит к новому учителю.

– Дорогой герр Мецгер... – И тихо шепчет ему что-то, после чего герр Мецгер покидает зал так же поспешно, как до

того Фрида с Вальтером. – Вы двое, – обращается директор к двум девочкам на другом конце первого ряда, – принесите ведро, швабру и приберите здесь. Остальным разойтись по классам, живо! Представление окончено.

На негнущихся ногах я выхожу из зала. Сознание отказывается принять то, что я сейчас видела. Как Вальтер мог оказаться евреем? Красавец Вальтер, мальчик, который спас мне жизнь, – грязный, вонючий еврей? Это невозможно. Здесь какая-то ошибка. Он даже не похож на еврея. И тут я вспоминаю слова папы: «Опять этот мальчишка» – и то, как недоволен он бывал всякий раз, когда заставлял Вальтера у нас в доме.

Одноклассники проталкиваются мимо меня, возбужденно болтая, сворачивают налево, в наш класс. Направо массивная входная дверь, она приоткрыта. Всего несколько минут назад через нее вышли Фрида и Вальтер. Узкий луч света делит темноту коридора надвое.

– Хетти? – слышу я голос Эрны, как будто издалека. – Хетти! – Я оборачиваюсь, смотрю на нее; она хмурится и говорит: – Не смей. Подумай, какие у тебя могут быть неприятности!

Но ее лицо тает, и я снова чувствую сильную руку Вальтера, она тянет меня вверх, к свету, не дает стать добычей чудовищ, которые живут на дне озера. Я вижу его добрые голубые глаза, его улыбку и вдруг срываюсь с места, подбегаю к двери и выскакиваю в ослепительно-яркий солнечный день.

Изо всех сил несусь по травянистому склону Нордплац. И нагоняю их у дальнего угла церкви.

– Вальтер! – окликаю его я. Он стоит вполоборота к Фриде и, держа ее за руку, что-то говорит, а Фрида судорожно всхлипывает. – ВАЛЬТЕР!

Он оборачивается, видит меня и от удивления открывает рот.

Задыхаясь от быстрого бега, я стою перед ними.

Что я здесь делаю?

– Я хотела сказать...

Глаза у Фриды красные, распухшие. Юбка и чулки в мокрых пятнах. От нее воняет.

Я перевожу взгляд на Вальтера. В глазах у меня слезы. Ну как он мог оказаться евреем? Почему я была так глупа и не поняла этого раньше? Теперь я знаю, почему Карл перестал приглашать его к нам домой.

– Возвращайся в школу, Хетти, – ровным голосом говорит мне Вальтер. – Тебе не надо быть здесь.

– Мне все равно, – отвечаю я. – Мне все равно, что ты еврей. Я всегда буду твоим другом. Сейчас и всегда.

Я поворачиваюсь к нему спиной раньше, чем он успевает сказать хотя бы слово, и сломя голову бегу через Нордплац назад, к школе.

Гитлер пытается заговорить со мной, но я отказываюсь его слушать.

Все. Дело сделано. Слова выпущены наружу, на вольный

воздух Нордплац.

Их уже не поймать, не вернуть, даже если бы я этого хотела.

Часть вторая

31 мая 1937 года

медленно разлепляю глаза – сначала один, потом другой. Перекатываюсь на спину и потягиваюсь всем телом. Нога упирается во что-то горячее и плотное, оно лежит на моей кровати.

– Куши... – Я улыбаюсь круглому черному комочку. – Ты что здесь делаешь? Если мама тебя увидит...

Песик поднимает голову, смотрит на меня и взмахивает хвостом. Потом, зевнув, опускает голову и снова засыпает.

– Вот нахал! – смеюсь я и протягиваю руку, чтобы погладить его шелковистую шкурку; наверное, выскользнул незаметно из кухни, когда туда рано утром вошла Ингрид. – Любишь меня, да, ты Куши Муши?

Песик дышит легко и ровно. Ни следа травмы, которую он перенес в прошлом году.

– Флоки, – тихо говорю я. Что он может помнить о своей прежней жизни? Но пес открывает глаза, и я вздыхаю. – Ну хватит. Давай-ка лучше пойдем завтракать.

Я встаю, умываюсь и одеваюсь. Проходя мимо двери Карла, я вижу, что она еще не открывалась.

В столовой, к своему удивлению, я обнаруживаю за зав-

траком папу. Служба в СС постепенно все сильнее вторгается в его жизнь, забирая не только дни, но зачастую и ночи. Правда, вид у него сейчас все равно отсутствующий, а его рука, лежа поверх маминой на полированной столешнице орехового дерева, задумчиво ласкает ее круговыми движениями большого пальца. Вот он что-то негромко говорит ей, и она, запрокинув голову, смеется, так что разбросанные по ее плечам волосы идут волнами. Я замираю на пороге, но меня выдает скрип половицы.

Папа поднимает голову и тут же виновато отдергивает руку.

– А-а, доброе утро, барышня. – Он наливает себе кофе из высокого узкогорлого кофейника, изысканно-длинного, словно жираф. – Первый день каникул, значит? – Папа подмигивает мне. – Надеюсь, ты уже решила, чем будешь заниматься.

– Да, папа. У меня много обязанностей в бунд дойчер медель³. Мы едем в летний лагерь. А еще я буду встречаться с подругами, ну и помогать маме, конечно.

Папа хмыкает и смотрит, как я намазываю сливочно-белый молодой сыр на ломтик ржаного хлеба.

– Может, хочешь провести лето на ферме, как дочка Кеферов, наших соседей? – предлагает он.

³ *Бунд дойчер медель (БДМ)* – Союз немецких девушек. Женская молодежная организация в нацистской Германии, куда входили немецкие девушки в возрасте от 14 до 18 лет.

– Франц! – восклицает мама. – Что ты такое говоришь? Ты же сам знаешь, половина девочек возвращаются оттуда беременными. Парней из гитлерюгенда ведь тоже отправляют туда на лето. Ужасная идея!

– Не беспокойся, мама. Я ни за что не поеду летом на ферму. Хотя это достойный и почтенный труд, я знаю. Но мне вполне достаточно летнего лагеря. К тому же я лучше останусь с тобой и буду помогать тебе с солдатами-инвалидами.

Папа, посмеиваясь, кивает.

– Они тебя обожают, Хетти, – говорит мне мама и тут же поворачивается к папе. – Но тебе тоже надо подумать об отпуске, Франц. Ты так много работаешь.

Его рука снова ложится поверх маминой и слегка прижимает ее.

– Да, Елена, я знаю, и, поверь, мне ничего не хотелось бы так сильно, как взять тебя, Карла и Хетти и уехать с вами куда-нибудь подальше. Но, увы, именно сейчас это невозможно. Напряжение растет, и я не могу покинуть газету.

– В каком смысле – растет? – спрашивает мама, закуривает сигарету, откидывается на спинку стула и смотрит на папу, чуть наклонив голову набок.

– В Лейпциге слишком много иностранцев, – напрямик отвечает папа. – С этим надо что-то делать. Они забирают рабочие места, дома, еду – все, что в противном случае досталось бы немцам. У них дурные манеры, – он взмахивает рукой, – привычки. От них пахнет. Ну и... – тут он бросает

взгляд на меня, – кое-что похуже. – Он ерзает на стуле. – А тут еще угроза войны. Посмотри, что делается в Испании! Не далее как сегодня утром нам пришлось нанести удар в ответ на атаку на наши корабли. Не знаю, куда все это нас заведет.

– То есть ты считаешь, что мы идем к войне. Опять? – Мама качает головой, лицо у нее осунувшееся.

– У англичан новый премьер-министр. Не думаю, что он более дружественно настроен к Германии, чем другие лидеры. Хотя о нем говорят, что он слабак и его легко уломать. Время покажет.

Уголком рта мама выпускает струйку дыма. Я отгоняю его рукой.

Война. Такое короткое слово, за которым стоит нечто неизмеримо огромное. Я вспоминаю о планах Карла вступить в новые воздушные силы, и мне вдруг становится холодно.

– Если до этого дойдет, то, я уверен, победа будет решительной и быстрой. Ну а пока мне надо сосредоточиться на нашем городе. – Он хмурится. – Мы должны оставаться верными своим принципам. Только так мы сможем обеспечить себе будущее. Нельзя ослаблять хватку. «Ляйпцигер» должен и дальше служить нашему делу.

– Как? – спрашиваю я.

– О, Шнуфель, газета – это мощное оружие. Конечно, ежедневные пресс-релизы герра Геббельса задают верный тон всему Фатерланду, но и мы не должны прекращать работу по

формированию общественного мнения. Наша обязанность и впредь заботиться о том, чтобы в сознании граждан интересы Родины и ее ценности всегда оставались превыше всего.

Я жую хлеб и сыр. В школе мы читаем «Майн кампф». Теперь все знают, что именно евреи нанесли нашей армии удар в спину в конце прошедшей войны, а благодаря новой книге Финка «Еврейский вопрос в образовании» я научилась отличать еврея от нееврея по чертам лица. Завидев еврея на улице, я сразу перехожу на другую сторону, как и все остальные. А еще мы никогда не смотрим в глаза евреям.

– Но, Франц, все это никуда не денется за те несколько дней, что мы могли бы провести всей семьей где-нибудь на побережье. Кроме того, ты ведь в газете главный. Разве у тебя нет подчиненных, способных в твое отсутствие пригладить за тем, чтобы все продолжало идти как надо?

Папа пожимает плечами:

– Я назначил Йозефа Гайдена редактором всего две недели назад. Вряд ли можно рассчитывать, что он справится со всем в одиночку. Да и в СС обязанностей становится все больше... – Он делает паузу. – Не будь Карл так занят своими планерами, я взял бы его к себе в газету на лето. Вот кто стал бы мне неоценимым помощником. Да и в будущем я мог бы поручать ему то, что никогда не поручу никому другому.

– Если бы ты и в самом деле взял его к себе на лето, пока он не уехал... вдруг бы он тогда передумал насчет авиации. Мне прямо нехорошо делается при мысли о том, что скоро

придется его отпустить.

Папа качает головой:

– Обучение организовано Люфтваффе. Прежде чем садиться за штурвал серьезной машины, молодые пилоты должны налетать как можно больше часов. К тому же он сам этого хочет. Возможно, со временем он вернется в «Ляйпцигер». Он же мужчина, Елена. И должен сам найти свой путь. Сейчас он хочет служить Рейху, и это хорошо и правильно. – Папа опрокидывает себе в рот последние капли кофе из чашки.

– Я тоже хочу служить Рейху, – вырывается у меня. – Может быть, ты возьмешь меня к себе в газету на лето, папа? Я быстро учусь.

Он смотрит на меня, прищурившись. В ярком солнечном свете его светлые глаза кажутся совсем выцветшими, а лицо бледным и обвисшим от усталости.

– Мне очень приятно, что ты предлагаешь свою помощь, Герта, – медленно начинает он, – но твое место здесь, рядом с мамой. Ей тоже нужна помощь в ее благотворительных делах. К тому же для тебя гораздо важнее научиться вести дом, чем разбираться в сложностях управления газетой.

– Но, папа...

Ножки его стула со скрежетом проезжают по деревянному полу, и я понимаю: дискуссия окончена.

– Ну, мне пора на работу.

Он наклоняется к маме, целует ее в щеку, потом чмокает

в макушку меня. Мама выходит проводить его в прихожую, и тут в столовой появляется Карл – небритый и заспанный. Я опускаю руки под стол и сжимаю кулаки.

– Доброе утро, Мышонок, – говорит Карл, плюхаясь на стул напротив меня. – Я что-то пропустил?

– Да нет, ничего особенного, – вздыхаю я. – Все тот же старый спор. Папа хочет, чтобы ты работал у него в газете, а мама не хочет отпускать тебя в Люфтваффе.

Карл отрезает ломоть хлеба, намазывает его маслом. Мурлыча какой-то мотивчик, кладет поверх два ломтика лебервурста.

– А ты чего такой довольный?

Я наливаю нам чай, кладу в каждую чашку по дольке лимона, добавляю в свою две ложечки сахара.

– Счастливый! – Широко улыбнувшись, он откусывает от своего бутерброда большой кусок и продолжает, энергично работая челюстями: – Больше никакой школы, и всего через неделю – Люфтваффе.

– Тебе так хочется поскорее уехать?

Я не представляю себе жизни без Карла. Его пустой стул за обеденным столом. Тишина в доме, где ни одна половица не заскрипит больше под его торопливыми шагами. И где не будет больше *нас*.

– Я буду по тебе скучать.

– Конечно будешь. И я тоже буду скучать по тебе, Мышонок, но...

– Пожалуйста, не называй меня так.

– Как? Мышонком?

– Вот именно.

– Буду называть.

– Задница.

Брат, подражая моему голосу, пищит:

– А я расскажу маме, что ты сказала плохое слово, – и мы оба хохочем.

– Нет, правда, почему ты так хочешь уехать? Папа говорит, что может устроить тебя прямо в СС, да и газета рано или поздно достанется тебе. Из тебя выйдет отличный репортер. Ты так умеешь располагать к себе людей, тебе кто угодно расскажет все, что захочешь.

– Но, Хетти... – Он подается мне навстречу, его глаза блещут, лицо дышит волнением. – Как ты не понимаешь, это же так здорово – летать. Что может быть лучше? Нашим воздушным силам будет завидовать весь мир. К тому же мне так повезло – вступить в Люфтваффе в самом начале. И потом, что бы я стал делать с этими занудами-чернорубашечниками? Нет, я, конечно, ничего плохого не хочу сказать о папе, просто это не для меня. Я не могу жить без неба. Нет ничего прекраснее полета. Я ведь уже не первое лето летаю на планерах, и у меня развился вкус – нет, скорее зверский аппетит – к острым ощущениям, которые дает полет.

– По-моему, это очень опасно.

– Ну вот, ты прямо как мама. Летать – это здорово. А на-

ши самолеты – самые совершенные в мире. Другие страны просто сдадутся без боя, как только ощутят всю мощь нашей авиации. Когда-нибудь я и тебя прокачу на самолете, Мышон. Тебе понравится, вот увидишь.

Я наблюдаю за его лицом, пока он жует, смотрю, как брат поднимает руку, чтобы отбросить упавшие на лоб волосы. Под рукавом рубашки перекачивается бицепс. Я даже не заметила, когда он превратился из мальчика в мужчину, который рвется из родительского дома в самостоятельную жизнь, где не будет ни подавляющего присутствия отца, ни неотвязной материнской заботы. Ни меня... Эта мысль причиняет мне почти физическую боль, и я вдруг понимаю, каково сейчас маме.

– Ну же, Хетти, не куксись! – Серьезное, обращенное ко мне лицо Карла дышит добротой. – Давай лучше повеселимся как следует в наше последнее общее лето, а? Ты его не забудешь, обещаю.

25 июля 1937 года

В лазурном небе ни облачка. С высоты льет свою песню жаворонок – вон он, крошечная черная точка в море солнечного света. Голос птицы, высокий и чистый, то стихает, то начинается звенеть вновь, наполняя меня радостью.

Длинная трава цепляет меня за юбку. Я приподнимаю подол и бреду через луг, старательно обходя кусты чертополоха и островки крапивы. Впереди бежит Куши, но я вижу не его, а лишь расступающуюся траву, которую он раздвигает носом, точно дельфин – морскую волну, да редкие взмахи его хвоста.

– Пойдем на берег, Куши Муши. Там легче ходить.

На высоком берегу я останавливаюсь перевести дух. Еще нет семи, но солнце уже горячее: значит, день опять будет знойным. Мы с Куши идем вдоль Вайсе-Эльстер. В этом месте на берегу реки нарезаны садовые участки. Я медленно прохожу мимо плодовых деревьев, грядок с молодыми кабачками, мимо ползучей фасоли и кустиков томатов, подвязанных к палочкам.

– Хетти? Господи, неужели это ты?

От неожиданности я вздрагиваю.

Из-за сливы выходит какой-то юноша, идет ко мне. Он среднего роста, спортивного сложения, на нем аккуратные черные брюки и рубашка цвета сливок. В руке у него корзин-

на: с такими женщины ходят на рынок. В ней овощи и фрукты. Юноша смотрит на меня из-под широких полей шляпы, которые затевают его лицо.

– Да... это и правда ты! – восклицает он.

Куши, который до этого увлеченно вынюхивал что-то интересное неподалеку, вдруг срывается с места и с громким лаем летит на молодого человека. Тот снимает шляпу – светлые кудри рассыпаются из-под нее – и торопливо озирается.

– Ш-ш-ш, – шепчет он Куши, заслоняясь шляпой, точно щитом. – Ш-ш-ш, а то кто-нибудь услышит!

Его выдают волосы. Лицо изменилось, но, приглядевшись, в нем можно отыскать прежние черты. Словно на портрет ребенка наложили второпях набросанный эскиз и обвели – старательно, кропотливо.

– Вальтер?

Мне снова одиннадцать, и я с восхищением смотрю на друга моего брата, больше всего на свете желая, чтобы и он обратил на меня внимание.

Он делает ко мне еще шаг: неуверенный взгляд, робкая улыбка. Три года прошло с тех пор, как мы в последний раз видели друг друга. В тот день.

– Скорее, – шепчет он вдруг, – идем отсюда. Собаку могли услышать.

Прикрыв свободной рукой корзинку, он бросается к выходу с садовых участков.

– Ну и что? – недоумеваю я. – Разве сюда нельзя прихо-

дить с собаками?

Вальтер замедляет шаг и отвечает через плечо:

– Не знаю, но лучше не ждать, пока это выяснится. – И тут же опять ускоряет шаг.

Я бегу за ним, а Куши – за мной. Песик подпрыгивает, хватая меня за лодыжки – думает, что это такая новая игра. Он путается у нас в ногах, а мы выскакиваем за ворота и бежим, пока не оказываемся под деревьями у подножия крутого прибрежного холма. Тропа выводит нас прямо к старому горбатому мостику через реку. На том берегу она раздваивается: заброшенная тропинка, по которой почти ник то не ходит, сворачивает в одну сторону, а рядом поворот на Трахенбергштрассе, которая переходит в Халлишештрассе, и так дальше, до самого дома. Мы выбираем заброшенную тропинку вдоль реки, – садовые участки на том берегу остались за холмом, – и переходим на медленный шаг. Куши бросается в воду.

Смешинки танцуют в глазах Вальтера, когда он, повесив корзинку на локоть, устремляет на меня взгляд:

– Вот это да! Малышка Хетти, такая взрослая!

От его взгляда что-то подпрыгивает и обрывается у меня внутри, и я чувствую, как мое лицо заливают краской.

– Ну и что... – Я не могу поднять на него глаза. – Ты тоже взрослый.

И ты еврей.

Мысли вихряются у меня в голове, отказываясь отливаться

в слова. Вальтер чувствует мое смятение и тоже умолкает.

Куши подплывает к берегу, энергично встряхивается на мелководье, подбегает ко мне и трется мокрым боком о мою ногу. Я взвизгиваю и приподнимаю намокший подол.

– Славный пес, – замечает Вальтер.

Он присаживается на корточки и гладит мокрый бок Куши. Песик так яростно вертит хвостом, что попадает Вальтеру в лицо. Тот морщится, отпрянув. Но Куши, ничуть не смущенный, с таким аппетитом принимается нализовать ему ухо, словно это не ухо, а кусок мяса. Вальтер хохочет.

– Ну что, ты всех любишь, да?

Нельзя, чтобы меня увидели с евреем.

Но это же Вальтер.

Во рту у меня пересыхает. Я облизываю губы.

– Это пес Гольдшмидтов, – мямлю я. – Они жили через дорогу от нас. Евреи... В один прекрасный день они уехали, а его бросили. Я нашла его в сугробе, он отошал и трясся.

Мне вспоминается тот день. Папа был против еврейского пса в нашем доме. Но потом смягчился, хотя и настоял, чтобы я придумала собаке другую кличку.

– Откуда такая жестокость?

Вальтер гладит собаку и молчит.

Внутри меня вдруг словно открывается колодец, как будто нажали на пружинку и крышка откинулась. Давно забытые чувства поднимаются вверх, потоком текут слова, робкие, взволнованные.

– Что произошло, Вальтер? В тот день куда ты пропал?

Он бросает на меня быстрый взгляд и взмахом руки показывает на траву.

– Может, присядем? Мне столько нужно тебе рассказать.

Нельзя сидеть рядом с евреем. Чей это голос – Гитлера, герра Мецгера, папин? Не могу понять. Все сливается воедино. Я оглядываюсь: безлюдная тропинка, травянистый склон, река, садовые участки на том берегу. Кругом ни души, но что, если кто-нибудь все же пройдет?

Вальтер смотрит на меня, ждет. Его лицо изменилось: нижняя челюсть стала по-мужски твердой, на щеках и подбородке – намек на щетину. Они с Карлом ровесники: обоим по восемнадцать, почти девятнадцать. Но голубые глаза все те же, и взгляд по-прежнему теплый. Легкий ветерок отбрасывает волосы с его лба, и я крепче сжимаю поводок Куши. Неведомая сила подхватывает меня, и вот я уже сижу на траве рядом с Вальтером... Не слишком близко. Ноги поджаты к груди, руки обхватывают колени.

– Слова, которые ты сказала тогда, и то, что ты сделала... – Его низкий голос обволакивает меня. – Это было так смело. И благородно.

– Мне здорово попало за то, что я сбежала из школы в тот день, но для меня это было важно тогда, – говорю я, а сама гляжу на свои колени.

Тогда – да, но теперь я выросла. Поумнела. За три года, прошедшие с тех пор, я научилась понимать, какую опас-

ность представляет для нас еврейская раса, видеть угрозу, которая исходит от нее. Теперь мне ясна самая суть еврейского характера. Но я молчу.

– Мне очень жаль. А ведь я так и не поблагодарил тебя.

– И не надо.

Шум на тропинке – кто-то едет на велосипеде. Мои руки судорожно вцепляются в поводок. Велосипедист пронесется мимо.

– Нет, Хетти, не у всякого хватило бы смелости вот так сбежать из школы. Сказать эти слова мне и Фриде. Особенно после того, как Карл перестал со мной общаться. Это так... – Он делает глубокий вдох. – Много значило для меня.

Я пожимаю плечами. Тогда я была еще совсем ребенком. И понятия не имела о том, что творю. Просто не хотела, чтобы Вальтер был евреем. Но он еврей.

– Я хочу сказать, твои слова особенно много значили для меня потому, что их сказал человек из вашей семьи. Наверное, это очень трудно. Думать иначе. – Вальтер смотрит на меня, а я на него. И опять что-то словно обрывается у меня внутри. По жилам бежит электричество, а не кровь. – Ты и сейчас, – тихо продолжает он, – думаешь иначе?

Его глаза притягивают меня, и я киваю.

Герта Хайнрих, не забывай, кто ты. Тот, кто служит Адольфу Гитлеру, служит Германии. А тот, кто служит Германии, служит Богу.

Я отвожу взгляд. Руки дрожат.

– Так что с тобой случилось? – спрашиваю я из чистого любопытства. – Ты куда-то пропал. Фрида тоже.

Вальтер со вздохом срывает несколько травинок, смотрит, как они падают у него между пальцами на землю.

– Нам пришлось переехать. Кто-то написал на нашей входной двери «Жида, убирайтесь прочь», и хозяин квартиры сказал, что мы должны съехать, иначе ему побьют все окна. Кроме того, он так задрал квартплату, что нам все равно нечем было платить. Дела у моего отца идут неважно.

– Он, кажется, адвокат? – вспоминаю я.

У Вальтера нет братьев и сестер, только отец и мать. Его отца я видела лишь однажды. Невысокий. Хрупкий, особенно по сравнению с моим папой. Говорит тихо. Начитанный. Он как раз читал, когда я увидела его. «Бесполезное занятие», – сказал тогда папа, и я решила, что он говорит о чтении, но теперь сомневаюсь. Может быть, он имел в виду адвокатуру? Помню, что мне тогда стало жалко Вальтера – ни сестры, ни брата, родители такие тихие. Немудрено, что он сдружился с Карлом и со мной.

– Был. До тридцать третьего года. Потом, после запрета, он стал работать у дяди Йозефа. У него свой магазин на Брюле, торгует мехами. Я тоже там работаю, на складе. Это, конечно, не то, чего бы мне хотелось, но выбора у меня нет. Приходится выживать. Никто не хочет покупать у евреев, никто не хочет ничего нам продавать, банки отказываются давать кредиты. Пока удастся отправлять кое-что на экспорт,

да и то с трудом.

— Где ты учился после гимназии? В университет поступать будешь?

Вопросы вырываются у меня сами собой.

— Я? — Он смеется и качает головой. — Таким, как я, дорога в университет закрыта. Я ходил в еврейскую школу — школу Эфраима Карлебаха. Но я уже окончил, а Фрида до сих пор там учится. Мне, как еврею, запрещено сдавать выпускные экзамены, так что аттестата у меня нет. Живем мы у бабушки на Гинденбургштрассе, вместе с дядей Йозефом, его женой и тремя детьми. Нам еще повезло. У бабушки большой дом, собственный, так что мы экономим на жилье. Иначе пришлось бы платить за три отдельные квартиры.

Я поворачиваю голову к Вальтеру, смотрю на него. Вспоминаю картинки в книге Финка. Ни малейшего сходства между теми, кто там изображен, и Вальтером. Светлые вьющиеся волосы спадают на распахнутый ворот рубашки, треугольник белой кожи под горлом, длинные ноги, скрещенные в лодыжках. Встретить я его где-нибудь на улице, мне бы и в голову не пришло переходить на другую сторону. И все же если раньше он был для меня почти членом семьи, то теперь стал чужим.

Воплощением Инаковости.

Евреем.

Отталкивающим и в то же время до странности притягательным.

Между нами повисает молчание, колючее, неловкое. Я отвожу глаза, мой взгляд падает на корзину с овощами у ног Вальтера.

– У вас что, садовый участок? – спрашиваю я и кивком показываю на корзину. Все-таки безопасная тема для разговора.

Он мотает головой, и вид у него становится слегка испуганный.

– Жить стало совсем трудно. Если у людей отнимают все возможности прокормить себя, им что же, умирать с голоду?

– Ты что, украл?

– Я взял по одному овощу с каждого участка. Хозяева даже не заметят, а нам легче.

– Но ведь хозяева этих участков много трудятся, чтобы вырастить урожай. Они не богаты. Почему ты думаешь, что вы заслужили, чтобы это есть, а они – нет?

– Прежде всего, мы ничем не заслужили такого обращения, – резко отвечает он, но тут же делает глубокий вдох, точно сдерживает слова, рвущиеся наружу.

Так вот, значит, кем он теперь стал. Чуть прижало – и он превратился в вора. Да, природу не обманешь. Внешность внешностью, а кровь и воспитание берут свое.

Зря я сижу здесь рядом с ним.

Я вдруг ощущаю тяжесть его взгляда. Горло перехватывает, и образ крючконосого, курчавого мерзавца, насилующего хорошенькую невинную девочку, встает перед моими глаза-

ми.

– Ладно, приятно было повидаться, но мне надо идти, не то опоздаю к завтраку. – Я вскакиваю. – Куши, идем, нам пора домой.

– Подожди, Хетти, не уходи. Пожалуйста.

Волосы опять падают ему на лоб, глаза цвета тропического моря устремлены на меня. Он красив, отчаян и трагичен.

Если бы что-то дурное должно было случиться со мной, оно бы уже случилось. И снова я думаю о том, до чего же он не похож на изображения гадких евреев в «Штюрмер». Так не похож, что мне даже смешно становится.

Я снова сажусь, а Куши прижимает мои ноги теплым влажным боком.

– Мне очень жаль, что ты так плохо обо мне думаешь. Наша жизнь стала теперь совсем непереносимой. Жаль, что я не уехал из Германии раньше, как другие, – говорит Вальтер, глядя на деревья на том берегу реки. – Но отец отказывается ехать. «Только через мой труп, – говорит он, – Гитлер забереет у нас все, что с таким трудом досталось нашей семье».

Я внимательно смотрю на него. Разве все не наоборот? Разве это не евреи украли все у трудолюбивых немцев?

– Я писал письма во все страны Европы, пытался устроиться куда-нибудь на учебу или на работу. Не повезло. Похоже, евреи везде лишние, – продолжает Вальтер.

Я чувствую, что у меня начинает болеть голова. Вокруг только и разговоров, что о хитрых, пронырливых евреях и

о том, как от них избавиться. Но никто не говорит, куда им деваться, раз они не нужны здесь. Только уехать в Палестину. Я снова смотрю на корзину и не знаю, что сказать.

– Мне жаль тебя, правда, Вальтер. Но зачем же красть?

– Хетти... – Он берет меня за руку. От прикосновения его пальцев я вздрагиваю, как от удара током. Вальтер смотрит мне прямо в глаза. – Нам больше не продают хлеб в булочных. Зеленщики не впускают нас в свои лавки. Разве ты не замечала, на витринах многих магазинов теперь появилась надпись: «Евреям вход воспрещен»? Собак впускают, а нас нет. Я говорю тебе это не для того, чтобы ты меня пожалела, жалость мне не нужна. Я лишь хочу, чтобы ты поняла – мы поставлены на грань выживания.

– Но есть же еврейские лавки. И магазины. Почему вы не идете туда?

– Да, только у еврейских владельцев их забрали или закрыли. Если войти туда, всегда есть риск быть избитым молодчиками из штурмовых отрядов. – У него ходят желваки, глаза наливаются гневом, смех становится резким, щеки краснеют. – А ты обвиняешь меня в краже горстки овощей?

Его гнев я ощущаю как удар в живот и резко отстраняюсь.

– Прости меня. – Он протягивает ко мне руки. – Я не хотел... Пожалуйста, не думай обо мне плохо. – Внезапно я вновь вижу перед собой Вальтера, открытого и честного, того, кто спас мне жизнь. И сейчас он сердит не на меня, а на жизнь вообще. Grimаса кривит его лицо. – Остается только

надеяться, что эти времена скоро пройдут и все станет нормально... как прежде.

«Неужели это такое уж преступление – взять без спросу немного овощей, раз уж тебе запрещено покупать их?» – шепчет мне внутренний голос. Я заставляю его умолкнуть.

– Мне и правда пора идти.

Мои слова падают в неприятную тишину. Жара нарастает. Куши рядом со мной тяжело дышит, вывалив язык.

– Конечно. – Вальтер оглядывается по сторонам, смотрит на свою корзину. – Мне тоже. Нас могут увидеть.

Мы возвращаемся к мостику, откуда каждый из нас пойдет своим путем. Я перейду на ту сторону и отправлюсь в Голис. Вальтер повернет направо и вернется на Гинденбургштрассе, в дом своей бабушки. Почему-то я все время думаю о своем теле: ноги у меня короткие, волосы грязные, руки слишком худые, толстый язык еле ворочается во рту, кожу покалывает, словно иголками.

– Как там Карл? – неожиданно меняет тему Вальтер. – Наверное, сдал экзамены, готовится в университет?

– Да, сдал. Но в университет он не пойдет, будет служить в Люфтваффе. – Я не могу скрыть гордость за брата.

– Пилотом будет? У него получится, я уверен.

– В авиационном отряде гитлерюгенда у него высокий ранг. Он хорошо себя показал, поэтому его взяли в Люфтваффе.

– А помнишь, как мы играли в детстве? В ковбоев и ин-

дейцев? Мы с Карлом вечно спорили из-за того, кому брать пистолет, а кому – лук и стрелы. – Он качает головой, задумчиво улыбается.

– А я была вашей доктором скво. Скребла вам пятки и перевязывала ваши боевые раны. А потом пекла для вас пирожки из грязи!

– Очень вкусные, кстати! – смеется Вальтер.

Мы уже у моста. Вальтер хочет что-то сказать, открывает рот, но передумывает. Мы смотрим друг на друга, я переминаюсь с ноги на ногу. Молчание все тянется. Не сводя с меня глаз, Вальтер берет меня за руку и пожимает ее, серьезно и медленно. Его прикосновение вызывает во мне прилив запретного удовольствия, и я затягиваю пожатие.

– Что ж, было приятно увидеться с тобой снова. – Вальтер отнимает руку. – Жаль, что все сейчас... так, но тебе я желаю всего самого лучшего. До свидания, Хетти. – Он улыбается, взмахивает рукой, поворачивается ко мне спиной и, нахлобучив шляпу, уходит.

Вернее, проходит три шага.

– Подожди! Когда мы встретимся? – не выдерживаю я и тут же прикусываю губу.

Вальтер останавливается, оборачивается:

– Ты хочешь опять меня увидеть?

– Только если ты хочешь. Хотя это, наверное, не лучшая идея.

– Это точно!

– В смысле, нам не надо встречаться.

– Конечно не надо. – Он прислоняется к шероховатым каменным перилам моста, опускает в карман свободную руку, выдвигает вперед ногу. – Это опасно. Особенно для меня. Гнусный еврей, застигнутый в обществе красивой немецкой девушки? Одного моего знакомого на днях выволокли из дома и избили за то, что он любезничал с дочкой налогового инспектора.

Красивой немецкой девушки...

Неужели он и правда считает меня красивой?

– Но ради тебя можно и рискнуть, – добавляет он и широко улыбается. – Давай здесь, на мосту, в семь утра, в следующее воскресенье.

– В следующее не могу. Я уезжаю в лагерь с отрядом БДМ. Мои родители не хотели, чтобы я вступала, но в декабре это стало обязательным для всех арийских детей, так что пришлось им смириться.

– Тогда через две недели?

– Хорошо, через две.

– Только никому ни слова. – Вальтер делает строгое лицо и грозит мне пальцем.

Я киваю, торопливо перехожу на другой берег и сворачиваю в сторону города, который уже начинает просыпаться.

– Идем, Куши, – окликаю я пса и оборачиваюсь.

Вальтер уходит: спина прямая, в руке корзина.

Вдруг он тоже оборачивается и улыбается, увидев, что я

смотрю ему вслед. Сердце подпрыгивает у меня в груди, и всю дорогу до дома я лечу как на крыльях.

3 августа 1937 года

Ботинки Эрны хрустят по горной тропе за моей спиной.

– Посмотри, какая красота! – восклицает она.

Ее лицо блестит от пота, но косы по-прежнему гладкие, и форма в полном порядке.

Усыпанная булыжниками тропа уходит круто вверх. Мы так давно карабкаемся по ней на адской жаре, что никакой красоты я уже не вижу. Вся взмокшая, я останавливаюсь, вынимаю носовой платок и вытираю им шею, для чего мне приходится сначала отлепить от нее растрепанные, лохматые хвосты, в которые давно превратились мои косы.

– Я все ноги стерла, – жалуюсь я. – Ботинки новые. Надо было разносить их еще до похода, – добавляю я, морщась на каждом шагу.

– Стрдание хорошо для души. Укрепляет характер.

– Спасибо большое, но с характером у меня и без мозолей все в порядке!

Слезы начинают щипать мне глаза.

Эрна оглядывается назад, но весь наш отряд еще далеко позади, а вожатые почти так же далеко впереди. Значит, никто не увидит меня в минуту слабости.

– Давай, Хетти, до вершины совсем немного осталось. Последний рывок – и будем обустривать лагерь. Ты же помнишь, герр Гитлер хочет видеть нас, девочек, сильными, пы-

шущими энергией и здоровьем.

– Когда мы окажемся наверху, я лягу прямо на землю и больше не встану.

– Ну и шуточки у тебя, Хетти, – смеется Эрна.

– И вовсе я не шучу! – При каждом шаге задники новых ботинок сдирают мне кожу с пяток.

– Идем, старая ворчуня, гляди веселей! Фройляйн Акерман уже наверху, и, если ты постарайся хорошенько да еще улыбнешься ей пошире, она, может быть, даст тебе значок!

Эрна уходит вперед и вверх по крутой тропе, ее сильная спина маячит передо мной. Распухший язык прилип к нёбу, и мне начинает казаться, что дыхание у меня такое же кислое, как и настроение. Но Эрна, словно читая мои мысли, – не в первый уже раз – звонким чистым голосом затягивает «Песню юных странников».

Когда шагаем мы бок о бок и песни старые поем,
Вторит нам лесное эхо, и знаем мы,
Что с нами в ногу время новое идет.

Веселая песня поднимает мне настроение, и ноги невольно начинают двигаться в такт знакомой мелодии, столько раз слышанной, что она и теперь звучит у меня в голове.

Шелестят березок листья.
Древняя земля простерла

Свои щедрые объятья.

Обливаясь потом, пыхтя как два паровоза, мы одолеваем последний крутой подъем.

– Молодцы! – сияет фройляйн Акерман, когда мы проходим мимо нее. – Наверху вас ждет сюрприз. Подсказка: он прохладный и мокрый!

– Водопад, – говорит Эрна с улыбкой, и мы идем дальше, а вожатая остается встречать других девочек.

Местом для лагеря выбрана широкая плоская вершина. Кое-где между камнями растет трава, и вся площадка имеет наклон в сторону большого водоема. Эрна угадала верно: его питает живописный водопад.

Потихоньку-полегоньку подтягивается остальной отряд. Выбрав место поровнее, мы очищаем его от камней, ставим палатки, копаем туалетную яму, приносим воду для кухни.

– Веселые. Сильные. Независимые. Девушки, достойные стать матерями расы господ. Вот какими хочет видеть вас фюрер, – наставляет нас фройляйн Акерман, когда мы, закончив работу, собираемся вокруг нее, грязные и усталые. – Всегда помните принципы нашего союза: чистота духа и тела, добродетель, послушание и покладистость. А теперь идите окупитесь. Вы заслужили!

Да, а еще настоящая немецкая девушка никогда не задает вопросов и не жалуется. Трудится на благо других. Она высока ростом и сильна, красива без всяких искусственных

ухищрений. Девушка чистоплотна, неукоснительно соблюдает все правила гигиены. Скромна и сдержанна. Но главное, девушка всегда ставит мужские интересы превыше своих и поддерживает мужчин в их борьбе. Даже если девушка устала, даже если она много трудилась, нужды мужчин все равно должны быть для нее на первом месте.

Наш долг служить фюреру, Германии и нашим будущим мужьям. Мальчики учатся быть лидерами и управлять, а мы должны учиться сдержанности. Требования постоянны и неумолимы, они не оставляют мне ни времени, ни возможности идти своим путем.

Невольно у меня возникает такое чувство, словно они вымывают самую мою суть.

Мы хватаем полотенца и сбегает по каменистому склону вниз, навстречу шуму водопада.

Поступать правильно – значит жертвовать собой. Забыть о том, что нужно лично тебе, ради общего блага.

Я мотаю головой, пытаюсь очистить свои мысли. Ведь внутри моего черепа живет он, фюрер, который видит все: мои самые потаенные страхи, мои надежды и мечты. И еще кое-какие мысли, которые начали посещать меня с прошлого воскресенья и о которых я не хочу, чтобы он знал.

– Оглянись, Хетти. Мы на вершине мира, – говорит Эрн.

Вокруг до самого горизонта – горы в голубоватой дымке, прорезанные глубокими зелеными складками долин. Далеко внизу изогнулось узкое горное озеро, черное и гладкое,

словно осколок зеркала. Совсем рядом возносятся к небу отвесные вершины соседних скал, а над ними лениво плывут в ясной синеве легкие перистые облачка.

Земля, достойная богов. Пейзаж, очищающий душу.

– Как возвышенно, – соглашаюсь я.

– Ну, пошли купаться, – говорит Эрна и идет к воде.

Я смотрю ей вслед: узкая, стройная спина, скульптурные плечи; рыжие волосы искрятся на солнце. Она и сама как светило, прекрасный золотой диск, к которому тянется все живое. И рядом с ней я – маленькая планета, которую она силой своего притяжения держит на своей орбите. Меня это раздражает, но в то же время я не могу не восхищаться Эрной, ее чистотой и честностью, ее положительностью.

Она во всем лучше меня.

Мне так хочется поговорить с ней о Вальтере. Посоветоваться. До встречи на мосту осталось всего четыре дня.

...Гнусный еврей, застигнутый в обществе красивой немецкой девушки... Я снова вижу его рот, который произносит эти слова. Вижу его губы, глаза, которые вбирают меня всю, целиком.

Нет, я не могу рассказать о нем Эрне. И никому другому тоже не могу. Ведь я обещала молчать. Но это так трудно. Мальчики всегда обращают внимание только на Эрну, и никогда – на меня. А Вальтер не просто мальчик. Он красивый. Он смелый и мужественный. Просто идеальный ариец. Глядя на него, так легко забыть о том, кто он.

Я притворяюсь, будто Вальтер не еврей, и представляю нас вместе. Две фигуры движутся в луче света, словно в кино. Он пристально смотрит на меня, его губы приближаются к моим. Он шепчет мне: «Хетти, пожалуйста, будь моей. Ни к одной девушке я еще никогда не испытывал таких чувств, как к тебе». Его ладони ложатся на мою талию, потом соскальзывают ниже, еще ниже, но я говорю ему: «Вальтер, остановись. Я же не такая девушка». И он, разумеется, останавливается, ведь он меня любит, но...

– Хетти! Ну что ты там копаешься? Водичка такая прохладная!

Эрна босиком шлепает по мелкой воде у самого водопада, ее косы потемнели и отяжелели от брызг.

– Иду! – Я снимаю ботинки, стягиваю юбку.

Другие девочки тоже сбрасывают одежду и в одном белье с визгом и хохотом кидаются в освежающую воду. А я стою и смотрю в темную бездну. «Ты же отлично плаваешь», – мысленно говорю я себе и, развязав галстук, расстегиваю пуговики пропотевшей блузки, снимаю толстые шерстяные носки, аккуратно складываю вещи в стопку и подыскиваю им сухое место на камнях. «Тебе совершенно нечего бояться».

Стоя в одном белье у края воды, я чувствую себя незначительной и жалкой. Теплая гранитная глыба ласково греет мои босые ступни, совсем как тот деревянный причал много лет назад. От ужаса все у меня внутри трепещет, колени подгибаются. Но я не могу показать свой страх другим. И тогда я

закрываю глаза, отталкиваюсь от скалы обеими ногами и одним рывком оказываюсь едва ли не в центре горного озера.

Вода такая холодная, что в первое мгновение у меня перехватывает дыхание, и я камнем иду ко дну, как тогда. Но тут же, преодолевая панику, я заставляю себя работать руками и ногами, вырываюсь на поверхность.

И вот я уже на свету, жадно глотаю воздух ртом, бью по воде ногами. Мне кажется, что я снова чувствую прикосновение сильной руки, которая держит меня, спасает от страшного конца в водяной могиле.

– Эй, там, внизу! Отойди! – кричит мне кто-то сверху.

Я поднимаю голову, принимая вертикальное положение в воде. Эрна, а с ней еще три девочки стоят на выступе скалы, готовясь к прыжку. Я отплываю в сторону и смотрю, как четыре девичьи фигуры прорезают пространство и шумно плюхаются в озеро прямо передо мной. Вода расступается и тут же смыкается над ними, вскипая множеством пузырьков. Секунда – и девочки снова на поверхности, смеются, хватают воздух ртом, протирают глаза и ничего не боятся, и я вдруг начинаю ненавидеть свой страх.

Я ложусь на спину и плыву, глядя в высокое голубое небо и стараясь не думать о том, сколько метров отделяют меня сейчас от твердой, надежной земли. Вода плещется вокруг моей головы, тонкими струйками просачиваясь в уши. Холод притупляет боль и усталость в натруженных конечностях. Вот бы окунуться сейчас в минеральную ванну, поле-

жать в ней часок, а потом голой шагнуть прямо в объятия Вальтера...

Черт! Опять эти гадкие мысли! Дай мне силы, о фюрер, прогнать из моей головы зло. Мое сердце начинает усиленно биться.

В моей голове гремят слова Гитлера.

Персонифицированный дьявол как символ всякого зла предстает перед нами в образе еврея. Защищаясь от еврея, я защищаю творение Господа.

Но это так трудно. Грязные мысли непрошеными врываются в мою голову. Они отвратительные, неправильные.

Я пробую сосредоточиться на белом облаке, плывущем высоко надо мной. И замечаю какое-то движение на горизонте. Три черные точки, выстроившись треугольником, быстро несутся к нам. Истребители. Возможно, летят воевать в Испанию. Глядя на них отсюда, из глубины мирного сельского ландшафта, трудно поверить, что где-то идет война. А ведь папа то и дело намекает, что будет еще другая война, большая, и прямо здесь, в Германии, и во всем мире. Война ради исправления зла, причиненного Версалем, ради возвращения Германии ее законного главенства среди других держав. А также ради того, чтобы сокрушить зловещие замыслы евреев. Я чувствую, как у меня сводит желудок.

– Эрна, – свистящим шепотом зову я подругу, – мне надо с тобой поговорить. Это важно. С глазу на глаз.

– Конечно. Пошли на берег, посушимся. Не знаю, как ты,

а я уже замерзла.

Выбравшись на камни, мы сначала вытираемся насухо, потом быстро одеваемся. Судя по солнцу, уже далеко за полдень.

– Так что тебя тревожит, Хетти? Я же вижу, ты прямо сама не своя.

Я оглядываюсь – хочу убедиться, что нас никто не подслушивает. Но девочки в основном еще в озере. А те, что успели искупаться раньше нас, уже оделись и ушли назад, в лагерь. Так что сейчас самое время.

– Дело в том...

Тут я вспоминаю данное Вальтеру обещание никому не рассказывать о нашей встрече, а ведь Эрна – вожатая БДМ. Ей придется донести на нас с Вальтером, даже если она сама этого не захочет. А я, зная, как серьезно Эрна относится к своим обязанностям, понимаю, что в ее глазах Вальтер – обычный еврей, такой же, как все.

То есть враг.

– Хетти?

– А? Да. Ты знаешь, я подумала... В общем, это больше не важно. В смысле... ну, я просто передумала.

Эрна раскладывает на камне, горячем от солнца, мокрое полотенце, трусы, майку.

– Ну ладно. Как хочешь. – В ее голосе звучит обида. – Если опять передумаешь, ты знаешь, где мен я найти. Пойду, надо приглядеть за готовкой.

И она уходит к лагерю, без меня.

*Дай мне силы, великий фюрер, бороться с искушением.
Прости мне мои дурные помыслы. Укажи мне путь, и я пойду по нему. Куда бы он меня ни привел.*

Я не пойду к Вальтеру в воскресенье. Встречаться с евреем – это нарушение всех законов и правил моей страны. К тому же если нас застукают, то Вальтеру грозит ужасный концентрационный лагерь, а то и расстрел. А я хочу быть хорошей, честной и незамазанной. Мои мысли о Вальтере отвратительны. Меня от них тошнит. Я больше не хочу думать о нем.

Вечером мы сидим у костра и поем. Я пою с наслаждением, отдаваясь музыке всей душой, и чувствую, как с каждой песней крепнет мой голос. Мыслей больше нет, они растворились в словах и ритме. И когда мы подходим к заключительной песне, я чувствую себя очищенной. Освеженной. Полной сил и энергии жить, стать лучше и навсегда забыть свою мимолетную слабость.

Мы сплотились под сияющим флагом.

С ним мы единый народ.

Никто больше не одинок.

Мы служим Богу, фюреру и нашей крови.

Каждый из нас тверд в вере и счастлив своим трудом.

Единства мы жаждем и впредь: Германия,

ты будешь светлой.

Твой свет – наша честь.

7 августа 1937 года

Эрна с родителями живет на верхнем этаже многоквартирного дома возле Кирхплац. Квартира у них небольшая, но светлая, и дышится в ней легко.

– Как я рада, что ты пришла! – Эрна хватается за руку и тащит наверх, в свою спальню.

Наклонный потолок с четырьмя окнами-люками, два из них выходят на фасад, еще два – на боковую стену дома. Сейчас все четыре распахнуты настежь, рамы курносими козырьками торчат из-под карниза. Передо мной открывается такой вид на Лейпциг, от которого захватывает дух: крыши и дымовые трубы вперемежку с кронами деревьев.

Эрна плюхается на кровать, где полулежит, опираясь на локоть, так что ее каштановые волосы струятся за спиной, словно занавес. Она смотрит на меня, сияя.

– Я влюблена, Хетти! – объявляет Эрна, и ее щек и заливаются краской. – Безумно! Никто пока не знает, но тебе я не сказать не могла.

– И кто же этот счастливец? – У меня учащается пульс, голубые глаза Вальтера всплывают в памяти помимо моей воли.

– Его зовут Курт. Он живет на другом конце Лейпцига. Он такой милый. Манеры – исключительные, и к тому же богат!

– Бог мой, да он само совершенство! А друзья у него есть?

Эрна хохочет:

– Может быть. Только, Хетти, не говори никому, ладно?

Пожалуйста. Никто не должен знать.

– Почему? В чем проблема?

– Моих родителей удар хватит, если они узнают. Они ведь ужасно старомодные, а мне всего пятнадцать. Им не понравится, что я вожу шашни с парнем. К тому же он старше, чем я, ему уже восемнадцать. – Она вздыхает. – И все равно я так счастлива, Хетти. Со мной еще никогда такого не было.

Можно подумать. Уж с кем с кем, а с Эрной такое случается то и дело.

Когда тема несравненного Курта наконец исчерпана, мы идем вниз, сказать отцу Эрны, что нам надо в город, на встречу с друзьями. Застаем его в гостиной – маленький, круглый, как обточенный волной камешек, он сидит в кресле и читает газету. Не «Ляйпцигер», замечая я, а «Фёлькишер беобахтер» – общенациональное издание, выходящее по утрам. Рядом с ним на столике чашка кофе. Эрна не говорит отцу, что друзья – это мальчишки из гитлерюгенда. Хотя говорить, по сути, и не о чем: мальчишки и вправду просто друзья. Передовица газеты в его руках посвящена празднованию семисотлетия Берлина. Половину полосы занимают снимки марширующей германской армии. В ответ на слова дочери герр Бекк ер даже не поднимает головы.

– Послушай, что они пишут, – говорит он и хихикает, проводя пухлой ладонью по гладкой, блестящей лысине на ма-

кушке, и читает сообщение об англичанах из Вустершира, которые приехали в Берлин, чтобы сыграть с немцами в игру под названием крикет. – «Английская команда утверждает, что немцы вели себя неспортивно. Однако отсутствие у немцев командного духа, – продолжает читать отец Эрны, морща лоб, – не помешало англичанам сполна насладиться всеми прелестями ночной жизни Берлина».

– Папа, – шепчет Эрна, – нельзя так говорить.

Но он, не обращая никакого внимания на слова дочери, продолжает вглядываться в мелкий печатный шрифт, держа газету чуть на отлете над выпуклым брюшком. Меня он, кажется, даже не видит.

– И чего мы ждем? Что англичане, сыграв с нами в крикет, пропустив пару кружек пива и сняв проститутку в Берлине, простят нам все наши грехи? Ха! Безумие наших вождей переходит все мыслимые пределы.

Шокированная его словами, я застываю на пороге.

– Папа! – снова одергивает его дочь.

Но герр Беккер, видимо, оседлал любимого конька.

– С другой стороны, если уж мы допустили управлять страной кучку безмозглых, пьяных кретинов, которые ничего не смогли добиться в жизни, так чего еще ждать? Разруха и всеобщая катастрофа – вот к чему они нас приведут.

Эрна испуганно вытаращивает глаза.

– Папа, нельзя так говорить! Перестань, пожалуйста.

– Проклятые наци! Чертов Гитлер! – Герр Беккер выпле-

вывает эти слова, глядя в газету и яростно потрясая ее страницами.

– Папа! – Вопль Эрны прорезает воздух в комнате, точно удар хлыста.

Ее отец, разинув от удивления рот, наконец отрывается от газеты, поворачивает голову и видит меня. Я стою перед ним в полной форме БДМ.

– Нельзя так говорить, – повторяет Эрна тише и кивает на меня. – Ты ведь помнишь мою подругу Хетти?

– Э-э... гхм, – откашливается он и начинает сворачивать газету. – Я... – С нервным смешком он снова смотрит на меня, сощурившись так, словно видит меня не в фокусе. – Это твоя школьная подруга, да?

– Да, герр Бекер, – спокойно отвечаю я, но мое сердце бьется так часто, что меня даже бросает в пот.

Кто этот человек, позволяющий себе такие наглые речи? Неужели он и есть враг? Не красный большевик, отстаивающий дело революции. И не богатый заговорщик-еврей с хищным крючковатым носом и маленькими свинными глазками. Нет, самый обычный буржуа, маленький, невзрачный, незаметный. Отец моей лучшей подруги. В скольких еще домах за закрытыми дверями люди шепотом делятся друг с другом подобными мыслями? И разве мы можем надеяться одолеть когда-нибудь пятую колонну таких вот невежественных глупцов?

– Хм, прошу прощения, Хельга, я сам иногда не знаю, что

несу.

– Хетти, – поправляет отца Эрна. – Хетти Хайнрих.

– Хетти Хайнрих, – медленно тянет он и морщит лоб, и вдруг его пальцы крепче стискивают газету. – Не обращай на меня внимания, Хетти. Я просто... Я ведь не имел в виду ничего плохого, правда, Эрна?

– Конечно нет, папа, – пристыженно шепчет она.

Повисает неловкая пауза. Герр Беккер продолжает сворачивать и разглаживать газету.

– Папа, мы ушли. К обеду я вернусь, а потом пойду на собрание БДМ. – С этими словами Эрна выпроваживает меня из комнаты.

Мы идем по улице, Эрна выглядит осунувшейся и бледной.

– Мой отец не имел в виду ничего плохого. Он старый и глупый. Мне иногда кажется, он сам не понимает, что говорит.

Погода стоит безветренная, жаркая. Мы шагаем медленно. В ногу. Пятка, носок. Пятка, носок. Резиновые подошвы наших туфель не издают никаких звуков.

– Ладно, Эрна, не надо ничего объяснять.

...Безумие наших вождей. Проклятые наци! Чертов Гитлер! Слова мечутся у меня в мозгу, рикошетом отскакивая от стенок черепа. Неужели вот это Эрна и слышит всю жизнь? Почему же она молчала?

– Он просто глупый старик, – заявляет Эрна.

От неожиданности я останавливаюсь как вкопанная и внимательно смотрю на нее. У нее тяжелое, раскрасневшееся лицо. Она сердится. Или стыдится. Возможно, и то и другое. Никогда раньше я не слышала, чтобы она кого-нибудь назвала дураком, тем более родного отца. Бедняжка Эрна.

– Слушай, Хетти, – продолжает она умоляющим голосом, – я знаю, ты... Нет, мы все обязаны доносить, если услышим что-то подобное, но...

Как могла она, Эрна Безупречная, Эрна Великолепная, молчать! Мне вспоминается Томас и то, как он храбро выступил против своего отца. Но Эрне, видимо, не хватает смелости. Может быть, я должна сделать это за нее? Это совсем не трудно, и папа будет мной доволен. Я уже представляю, как он скажет Карл у и маме, что я истинная дочь Рейха. Но мысль о том, что я потеряю лучшую подругу, быстро гасит разгорающуюся во мне радость. Без Эрны жизнь станет скучной и бесцветной.

Я кладу ладонь на ее руку:

– Я никому ничего не скажу.

– Он это не всерьез...

– Никто ничего не узнает от меня о тайных взглядах твоего отца, обещаю, – добавляю я и крепко стискиваю ее руку.

Ее лицо сразу становится другим. Она улыбается.

Больше мы об этом не говорим. В молчании подходим к остановке, где ждут трамвая мужчина и женщина. Я чувствую, что в наших с Эрной отношениях что-то неумовимо

изменилось. Оказалось, что она вовсе не такая безукоризненная. И кое-что от меня скрывала. Ее отец явно не сторонник Гитлера, а она молчала об этом столько лет. Значит, Эрна не так чиста сердцем, как я думала. Значит ли это, что мы с ней теперь на равных? И сколько еще постыдных секретов, маленьких греховных тайн мы держим внутри, где они постепенно нарывають, превращаясь в раны, отравляя гноем наши сердца, не давая нам достичь идеала чистоты и честности, к которому должна стремиться каждая германская девушка?

Возможно, поэтому мы и дружим. Потому что на поверку она оказалась ничем не лучше меня.

Прости меня, фюрер. Я знаю, что велит мне долг, но ведь это же Эрна, моя лучшая подруга. Я не могу причинить ей боль.

Я вспоминаю пронзительные голубые глаза Гитлера, представляю, как он всматривается в меня, заглядывая мне в самую душу, как читает все мои тайные мысли и находит, что я действую из благих побуждений. И отвечает:

Не тревожься, этот человек – мелочь. У меня есть враги посильнее. Но вместе мы одолеем их, ты и я.

С Томасом и тремя его друзьями мы встречаемся за столиком уличного кафе под названием «Кофейное дерево» на Кляйнерштрассе. Погода шепчет, а мы сидим и смотрим, как жители Лейпцига не спеша проходят мимо нас по узкой мо-

щенной улочке. Официантка приносит поднос с холодной водой, горячим кофе в серебристых турках, подогретым молоком и сахаром.

Возле меня сидит Эрна. Она непривычно молчалива и, кажется, подавлена. Боится, что я ее выдам. Не зря, видно, сказано: «Wissen ist macht: знание – сила». Знание поменяло нас местами, добавив мне остроты ощущений. Из нас двоих остроумная сегодня я, и это мои шутки и болтовня заполняют паузы в застольной беседе. Мальчишки в восторге от моей компании.

– Я теперь в учениках на инструменталке, – с ленивой оттяжкой сообщает нам Томас. – Две недели всего, а охренело уже все. Пардон за мой французский, – добавляет он, обращаясь ко мне. – Инструментов еще в глаза не видал, все две недели только и делаю, что полы мету. И так еще три года, пока не отпустят служить в вермахте. Скорее бы уж. А то так всю войну и проболтаюсь на этой сраной фабрике. С моей-то везухой точно.

Все мальчишки сейчас грезят о том, как они будут сражаться за Германию.

– Ну, вряд ли уж все так плохо. Я хочу сказать, не все же три года ты полы мести будешь, верно? Иначе какое это ученичество? – отвечаю я, снисходительно пропуская ругательства мимо ушей. Видимо, фабричные рабочие без них не могут, так что придется терпеть.

– Они там считают, что начинать обучаться делу надо с

самого низа. Сначала сортиры помыть, ну а там чем дальше – тем выше. Но я-то не собираюсь торчать на фабрике всю жизнь. Я парень с честолюбием. В вермахте карьеру буду делать.

– Ты про доктора Крейца слышала? – вдруг спрашивает у меня Эрна.

Я мотаю головой, вспоминая нашего старого учителя литературы.

– Нет, даже имени его не слышала уже давно. Это учитель, работал когда-то в нашей школе, – говорю я мальчишкам. – Его выгнали сто лет назад. У него на уроках всегда было интересно. Больше таких учителей нет.

– Он совершил самоубийство! – взволнованно восклицает Эрна. – Повесился! – И она, схватив себя обеими руками за горло, высовывает язык, чтобы показать гримасу мертвого доктора Крейца.

– Ой какой ужас! Но почему?

Доктор Крейц, вечно растрепанный, с энтузиазмом рассказывающий нам о писателях и литературе, встает перед моими глазами как живой. Просто невозможно поверить, что его больше нет.

– Не мог найти работу. Они с женой голодали. К тому же на него насели СС из-за каких-то его подозрительных политических взглядов. – В ее глазах я читаю тоску.

– Это очень печально, – осторожно выбирая слов а, отвечаю я. – Мне всегда нравился доктор Крейц.

Герман, мальчик с нездорово-бледной кожей, отмеченной рябинами от оспы, пожимает плечами:

– Я слышал, щас многие намыливают веревку. Жида особенно. Боятся, что дальше будет хуже. Хотя по мне, так быть покойником – хуже некуда.

Он делает глоток воды и смотрит на меня в упор. За столом повисает неловкая пауза.

– У СС есть работа, и они делают ее на совесть, – грозно вступает вдруг Томас. – Я знаю об этом не понаслышке, ясно? А ты, коли не знаешь, помолчи лучше.

Мы все с изумлением смотрим на Томаса.

– А я чё? А я ничё. – Герман шмыгает носом.

– И вообще, – продолжает Томас ворчливо, – кому хуже оттого, что пара-тройка жидов или еще каких поганцев коньки отбросит? Чем меньше этих паразитов вокруг, тем лучше. – Он бросает взгляд на циферблат уличных часов на высоком здании напротив. – Пошли уже. А то на собрание гитлерюгенда опоздаем.

Мальчишки тут же поднимаются из-за стола, шаркая подошвами и скребя по мостовой ножками стульев.

Томас задерживает на мне взгляд немного дольше, чем нужно, но наконец поворачивается спиной, а я с облегчением смотрю ему вслед, когда он с друзьями шагает к остановке на Марктплац. Бедняга Томас! Он, конечно, подросток, но так и остался худым и угловатым. Да уж, не арийский идеал. Но, судя по тому, как он вступился за меня только что, по-

хоже, он считает, что теперь его очередь защищать меня, как когда-то я защищала его.

— Он в тебя втюрился, — замечает Эрна, тоже глядя ему вслед. — Вот это поклонник! — И она хихикает в первый раз за все время, что мы вышли из ее дома. — Твой тайный возлюбленный, а? — Она игриво тычет меня локтем в бок, а я сердито отмахиваюсь от нее, чувствуя, как к щекам приливает краска.

— Мне тоже пора. — Я отворачиваюсь. — Я обещала пообедать дома, прежде чем идти на собрание. Извини, Эрна, пешком я не пойду. На трамвае быстрее.

Подходя к остановке, я чувствую себя воздушным шариком, из которого выпустили воздух. Мне становится тяжело и тошно. Может, из-за того, что Карл скоро уезжает. Или из-за отца Эрны. Или из-за новости о докторе Крейце. Или из-за того, что Эрна подумала, будто я влюблена в Томаса. А может быть, потому, что я приняла решение не встречаться с Вальтером завтра утром. Или просто из-за жары.

Подъезжает вагон, битком набитый потными рабочими в спецовках. Они едут со смены — сначала на трамвае до вокзала, через весь город, а оттуда по домам. Работают они на фабриках и складах в Линденау и Плагвице. Я с трудом втискиваюсь на площадку, где мне приходится стоять затаив дыхание, — прямо перед моим носом покачивается потная, волосатая подмышка здорового дядьки, который держится за ременную петлю на потолке.

– Эй, фройляйн! – окликает меня кто-то из вагона. – Тут, рядом со мной, свободное местечко, сесть не хочешь?

– Нет, спасибо, я всего на пару остановок, – вежливо отвечаю я.

Парень, который меня окликнул, совсем молодой. Но какой-то потасканный, взгляд голодный.

– Ну как хочешь. Тогда стой.

Он явно разозлился, в голосе чувствуется рубленый берлинский акцент. Грубая прусская речь в последнее время вообще слышна в Лейпциге все чаще. В сравнении с легким, мягким выговором саксонцев говор пруссаков режет слух. Как написал недавно в «Ляйпцигере» папа, бурное развитие промышленности и высокий уровень благосостояния Лейпцига привлекают сюда множество людей. В поисках стабильной работы и заработка они приезжают из самых разных мест. И привозят с собой дурные нравы, преступные наклонности и болезни.

Надо было все-таки пойти пешком.

– Девушки теперь уже не те, – громко жалуется тот, на сиденье, другому, который стоит рядом с ним в проходе. – Напялили форму и заважничали так, что не подступишься. Хотя что такое девушка в форме? Пха! И смех и грех!

На меня начинают оглядываться. Я смотрю в пол, чувствуя, как вся наливаюсь свекольным цветом. Моя синяя форменная юбка развеивается, когда трамвай кренится на повороте. В толпе смеются, и кто-то еще говорит:

– Думаете, БДМ – это бунд дойчер медель? Нет, это значит «Буби дрюк михь!».

Потискай меня, парень! Да как они смеют?

– Эй, хочешь, я тебя потискаю? – смеется тот, с берлинским акцентом.

Другой добавляет:

– А я слышал, это значит «Бунд дойчер милхкюэ»!

Союз немецких коров. В вагоне гогочут. Я вся в поту, стогаю от возмущения, но мне некуда деться – я заперта в железной коробке с этими ужасными, грубыми людьми. Бросив взгляд в окно, я прикидываю, когда будет следующая остановка, и радуюсь, что стою возле двери и смогу быстро выйти. Так, значит, вот с какими людьми Томас работает изо дня в день? Только бы он не стал таким же.

– Да, девчонки сейчас те еще. Вот хоть вчера вечером. Кучка девчонок в баре, одни, без мужчин. Ну, я предложил одной угостить ее выпивкой, вежливо предложил. Так она хохотала мне в лицо! А все, видишь ли, потому, что на ней форма. Они все надо мной ржали. Пф! И кем они себя после этого воображают? Юными фройляйн? Да как бы не так, свиньи они, и все тут. – Это опять берлинец. – Эй, – кричит он вдруг мне, – искала бы лучше мужа, девочка, чем шастать в дурацкой нацистской форме!

Меня так и подмывает крикнуть ему что-нибудь в ответ. Гадость какую-нибудь вроде: «Тебя я бы все равно в мужья не выбрала, будь ты хоть единственным мужчиной в мире».

Пусть знает свое место. Но я не решаюсь. Стою, смотрю в пол, жду, когда же наконец будет остановка и я смогу выйти.

– Эй! – Здоровенный толстяк, в чью подмышку я почти упираюсь носом, окликает тех остряков. – Языки придержи-те, – говорит он им. – Совсем девчонку застыдили. Она же еще молоденькая. – Он поворачивается ко мне и опускает свою большую косматую голову так, что его лицо оказывается на одном уровне с моим. От него пахнет пивом и сигаретами. – Ты как, девочка, в порядке?

Я торопливо киваю. Смешно, но я испытываю благодарность к этому похожему на гориллу здоровяку за то, что он вступился за меня. Трамвай замедляет ход, приближаясь к остановке.

– Я уже выхожу, – шепчу я ему, чтобы другие не услышали. – Спасибо.

Трамвай еще только замедляет ход, скрежеща тормозами, а я уже выскакиваю из вагона, радуясь, что никто из пассажиров не выходит за мной следом. Первым делом я набираю полную грудь воздуха: после кислой духоты вагона он кажется особенно сладким. Вдруг у меня подкашиваются ноги, и, чтобы не упасть, я хватаюсь за железные прутья какой-то калитки.

Подняв голову, я вижу, что передо мной вход на маленькое еврейское кладбище. Камни у самой ограды осквернены гадкими надписями. «Еврейская свинья», – читаю я на одном. Соседнее надгробие разбито. На третьем написано:

«Хороший еврей – мертвый еврей!», а за ним и вовсе: «Убивать евреев – вот верный ответ на еврейский вопрос». Я чувствую, как встают дыбом волосы у меня на затылке.

Я вспоминаю, о чем шепчутся люди: о еврейском заговоре, о том, что никто точно не знает, когда и где они нанесут свой удар. Потому что такая у них привычка – действовать тайно, исподтишка; часто под прикрытием чужих правительств. Подстрекать к революциям и беспорядкам. Сеять между людьми рознь, внушая им разные мысли. И, пока люди бьются со своими же братьями на баррикадах, пролезать во власть, занимать главные посты во всех сферах жизни. Капля пота течет у меня по спине. Хорошо, что у нас есть Гитлер. Он обязательно приведет нас к победе.

Я поворачиваюсь к обезображенному кладбищу спиной и быстро иду прочь.

Передо мной всплывает лицо Вальтера. Его белокурые шелковистые кудри. Добрые голубые глаза. Светлая улыбка. Вспоминаю, какой он воспитанный и приличный – особенно по сравнению с теми скотами в трамвае! И как им только хватает наглости называть себя немцами!

Вальтер не обычный еврей. Евреи не такие, как он.

Я уверена, что он не имеет никакого отношения к всемирному заговору еврейства.

И нос у него не крючком, и глаза не бегают.

Вальтер добрый, красивый, и с ним весело.

Может быть, он и не еврей вовсе. Наверное, он мишлинг:

еврей, но с частью арийской крови. Да, вот почему у него такая внешность. Хотя он может и сам не знать, что он отчасти ариец.

Я уже поворачиваю на Фрицшештрассе, когда во мне вдруг просыпается бунтарский дух. Вот пойду завтра утром и встречусь с ним. В последний раз, только чтобы сказать ему «прощай» и объяснить, что нам больше не следует видеться. Всего один разок, самый последний. Никто и не узнает.

Потому что просто не прийти – это невежливо.

А меня с детства учили быть вежливой с людьми.

8 августа 1937 года

Я стою на высоком узком каменном уступе. Позади меня луг, густая зеленая трава попеременно с дикими цветами. Прямо у моих ног начинается крутой спуск в долину, покрытую сочной изумрудной зеленью. Густые ели плотными рядами опоясывают склоны гор. По дну долины вьется река, серебристой змейкой сверкает на солнце.

На ее берегу я вижу крошечную фигурку. Человек машет мне обеими руками. Зовет меня вниз, к себе.

Вальтер.

Ветер треплет мне волосы, солнечные лучи пригревают лицо. Воздухпряно пахнет свободой, и я дышу полной грудью. Потом закрываю глаза, подаюсь всем телом вперед, и вот меня уже не вернуть. Я падаю, сначала медленно, потом все быстрее, быстрее; ветер гудит и свистит у меня в ушах. Я взлетаю, но что-то идет не так. Открыв глаза, я вижу Карла: он за рулем своего глайдера, направляет его наперерез мне, преграждает путь...

Вздрагнув, я просыпаюсь. Приподнимаюсь на кровати, взглядываясь в стрелки часов на каминной полке. Пять тридцать пять. Я снова роняю на подушку голову, полную недавним сном. Время еще есть. Я могу остаться дома, и тогда все будет по-прежнему. Но могу пойти, и тогда все станет по-другому.

Будь хорошей девочкой, чистой душой и телом. Не ступай на стезю соблазна. Выбери скромность и послушание. Делай лишь то, что принесет пользу другим. Вот что сказал бы мне Он. Я замираю и прислушиваюсь к Его голосу. Тишина. Я сажусь, подсунув себе под спину подушки, и вглядываюсь в портрет Гитлера над камином. Его черты кажутся расплывчатыми и неясными в бледном утреннем свете, который сочится в щелки опущенных жалюзи. По-прежнему тихо.

В моей голове пустота. И тишина. Удивительная, блаженная. Что это, я получила разрешение? Наверное, да. И потом, какой от этого вред? Просто прогулка с другом детства. Ничего особенного.

Конечно, я прихожу рано. До смешного рано. Что подумает Вальтер? Что я на все готова? Надеюсь, моя длинная юбка, застегнутая на все пуговицы блузка и бесформенный пуловер убедят его в обратном. Не дай бог он узнает, какие мысли на его счет на самом деле мелькают в моей голове.

Я бросаю палку. Куши приносит ее, кладет у моих ног и, умоляюще поскуливая, ждет, когда я брошу снова. На этот раз я закидываю палку в реку, но он тут же прыгает за ней и плывет изо всех сил, чтобы схватить добычу, пока ее не унесло течением. Куши не боится воды.

На дороге какой-то звук – камешек, задетый чьей-то подошвой, скребет по асфальту.

Это он. Подходит – руки в карманах, шляпа надвинута на

самые глаза. Вот он поднимает голову, улыбается.

Крылья множества бабочек трепещут у меня в животе.

– Ты пришла, – говорит он.

– Ты тоже пришел.

Он смеется, я вторю ему, и тут же мир вокруг нас словно оттаивает. Теплеет у меня внутри; теплеет свежий утренний воздух. Деревья, живые изгороди, дорога, мост – все теряет резкость очертаний, смягчается, перетекает одно в другое, словно только что нарисованное на холсте свежей краской.

– Давай пройдемся, – говорит он, и мы отправляемся на неспешную прогулку вдоль реки. Тропа приводит нас в лес, где за путаницей древесных ветвей мелькают кое-где пятна крыш – край города. Дальше река течет по открытой, слегка всхолмленной местности, где тут и там встречаются распаханнные участки – поля. С каждым шагом Лейпциг остается все дальше, а меня охватывает ни с чем не сравнимое чувство свободы.

– Как лагерь? – спрашивает он.

– Нормально. – Я умолкаю, не зная, стоит ли мне откровенничать о делах БДМ с посторонним, который к тому же может оказаться врагом Рейха, и тут замечаю, что мы с Вальтером шагаем в ногу.

– Кажется, ты не в восторге, – смеется он. – Но это меня не удивляет.

– Почему? – Я решаю подыграть ему в его заблуждении.

– Потому что ты всегда была не такой, как все. В хорошем

смысле. Как ты выскочила из школы в тот кошмарный день и бежала за мной и Фридой... – Голос у него обрывается, он напряженно сглатывает.

– Это было давно, Вальтер, – тихо произношу я. – С тех пор я изменилась.

Но он продолжает говорить, точно не слышал моих слов:

– Я всегда восхищался этим в тебе. Тем, как независимо ты мыслишь. Твоим характером, твоей страстностью. Как ты мечтала стать врачом вопреки всему. Я всегда знал, что ты умная, что ты ничего не принимаешь на веру. Ты не из тех, кто слепо следует правилам просто потому, что они существуют. – Он умолкает, а потом добавляет: – Я всегда знал, что ты одна из тех редких людей, которые способны разглядеть истину за напыщенными фразами.

Я бросаю на него быстрый взгляд. От его слов мне делается жарко. За всю мою жизнь никто еще не говорил со мной так откровенно. А главное, все мои недостатки, такие как привычка вечно во всем сомневаться и задавать вопросы, мое предосудительное стремление к независимости, в его глазах оказываются достоинствами.

– Когда ты успел все это во мне увидеть, если ты никогда на меня даже внимания не обращал? – спрашиваю я.

– Кто это сказал?

– Да ты вообще едва замечал, что я существую.

Он качает головой и улыбается.

– Ошибаетесь, фройляйн Герта, – говорит он и подмиги-

вает. – Вас я замечал куда чаще, чем вы можете себе представить.

Я чувствую, как у меня краснеют щеки.

– Так что ты думаешь делать после школы? – меняет тему Вальтер.

– Хотелось бы поступить в университет, – вздыхаю я. – Но папа против. Да и вообще, для девушки сейчас очень сложно стать студенткой. Опять же понадобится письменное согласие отца. Так что детскую мечту пришлось, конечно, забыть. Как мне жаль, что я не родилась мальчиком.

– А я очень рад, что ты не мальчик. – (Я кожей чувствую его взгляд и вспыхиваю еще ярче.) – К тому же я считаю, что ты стала бы отличным врачом, – добавляет он.

– Откуда тебе знать? Ты ведь меня с двенадцати лет не видел.

Я вдруг вспоминаю предостережения доктора Мецгера. Может быть, комплименты Вальтера должны меня насторожить? Может, он говорит так только для того, чтобы втереться ко мне в доверие?

– Люди не меняются, – продолжает между тем Вальтер, – по крайней мере, в главном. Я уверен, что в тебе и сейчас живет та девочка, какой ты была в двенадцать лет. А кстати, хочешь узнать, что мне всегда нравилось в тебе больше всего? – улыбается он.

– Что?

– Ты всегда смеялась над любыми моими шутками, даже

самыми глупыми. Вот за что ты получила особое место в моем сердце.

Я улыбаюсь:

– А ты и сейчас рассказываешь глупые шутки?

– Конечно! – Он наклоняет голову к плечу и смотрит на меня. – Знаешь, что случилось с псом, который любил гоняться за людьми на велосипедах? – (Я мотаю головой.) – В конце концов, – говорит он, глядя на меня совершенно серьезно, – пришлось отобрать у него велосипед.

– Ой, – смеюсь я, – точно, шутки у тебя все те же. А сам ты тоже все тот же мальчик, каким был прежде?

– Ничуть не изменился.

– Значит... когда ты идешь купаться на озеро, то все так же раздеваешься до трусов прямо перед девочками? И так же злишься и топаешь ногой, когда тебе выпадает быть не ковбоем с ружьем, а индейцем с луком и стрелами?

– Ну конечно. А что в этом такого особенного, позвольте вас спросить, фройляйн Герта? – Он шутливо шлепает меня по руке. – Кто же не знает, что быть хорошо вооруженным ковбоем куда приятнее. Что касается девочек, то той, которая застанет меня теперь в одних трусах, несказанно повезет!

Я вспыхиваю так, что краснеет не только лицо, но и уши, шея, и бросаюсь наутек.

– Догони меня, если сможешь! – кричу я ему через плечо и мчусь к большому дереву.

Куши с веселым лаем бежит впереди меня. Я бегу, не глядя по сторонам, подняв голову, изо всех сил работая руками и ногами. Но Вальтер уже догоняет меня – я слышу звук его шагов у себя за спиной. Вот он вырывается вперед, наддает и через считанные секунды оказывается у цели. Наверное, иди я пешком, и то не пришла бы позднее.

Он ждет меня под деревом, уперев руки в колени, и тяжело дышит – его грудь ходит ходуном.

– Насколько я помню, не было случая, чтобы тебе удалось обогнать меня.

– Ты и правда не изменился. Так и не научился понимать, когда надо позволить девочке выиграть. Хотя бы из вежливости!

– Ну представь, что я поддался и ты прибежала первой. Что тогда? Тебе не понравилось бы, что я бежал не во всю силу.

Мы спорим так, как будто нам снова по одиннадцать лет. Подняв голову, я прохожу мимо, а он бежит за мной.

– Видишь? Теперь ты понимаешь, что я прав. Со временем люди меняются вовсе не так сильно, как им кажется.

Что ж, по крайней мере, в одном Вальтер не ошибается: поддайся он мне во время нашего забега, и я тут же почувствовала бы себя обманутой. В шутку я даю ему легкого тычка, и мы оба начинаем хохотать, сами не знаем почему. Я радуюсь, что Вальтер выиграл. В конце концов, он же мальчик.

Река, а вместе с ней и тропа, по которой мы идем, петляют

теперь вдоль поля пшеницы. Золотистое море колыхнется по одну сторону от нас. Высокие колосья, нам по пояс, клонятся к тропе. Куши вдруг пропадает между ними – заметил, наверное, какого-нибудь зверька, – но скоро опять выскакивает прямо нам под ноги и бежит впереди, радостно вывалив язык.

Вокруг нас ни души, город остался далеко позади. От близости Вальтера у меня кружится голова. С ним так легко и в то же время тревожно. Он словно тигр, мощный, красивый, опасный. Сейчас он кажется совсем ручным, и его красота завораживает. Но я ни на секунду не забываю о том, что Вальтер может меня уничтожить.

– А это правда, – тихо начинаю я, – то, что о вас говорят? Что существует международный еврейский заговор с целью захватить власть во всем мире?

– Если он и существует, то я точно в нем не участвую. И никто из моих знакомых тоже.

От моей глупости мне становится смешно. Так он мне все сейчас и расскажет, как же!

– Скажи честно, Хетти, ты на самом деле веришь в эти враки? – Он смотрит на меня с тревогой.

Я долго думаю, прежде чем ответить. Конечно, он, может, и не такой, как другие евреи, но, вообще-то, людей его породы следует остерегаться.

– Мы сильно пострадали. Я говорю о нас, немцах. Из-за Версаля. Какую нищету мы пережили, столько бед, и все из-

за того проклятого мира.

– Вот ты говоришь: «мы, немцы». – Вальтер срывает колосок и, обрывая с него усики, бросает их на ходу себе под ноги. – А я, по-твоему, кто? Разве не немец? В какой-то степени я даже больше немец, чем ты!

– Что ты этим хочешь сказать?

– У тебя мать француженка. А мои предки поколениями жили на немецкой земле. Я всегда гордился тем, что я – немец. Мой отец получил Железный крест, когда воевал за Германию. И чем же ему отплатили? Лишили гражданства, отняли все, что мы имели! Нас сделали чужими в собственной стране. – С этими словами он широко раскрывает глаза и взмахивает руками, потом хмурится и стучит себя пальцем по лбу. – Напомни мне, я что-то забыл – у твоего отца есть награда за храбрость?

– Нет. Он был храбрым, но наградой его обошли. Ведь это была сплошная оперетка.

– Вот как? Но зато сейчас у него все хорошо, верно? А у нас отняли все средства к жизни, да и саму жизнь перевернули с ног на голову. Ты только представь, каково это, а? Хотя бы попробуй! Представь, что страна, в которой ты родился и прожил всю жизнь, вдруг захотела от тебя избавиться. Но ты – честный немецкий гражданин, тебе больше некуда деться.

Сатана умен, у него складные речи. Не верь всему, что хочет внушить тебе дьявол.

– Как это – лишили гражданства и средств к жизни? Не

понимаю. — Я представляю себе папу на моем месте и стараюсь говорить то, что сказал бы он.

Вальтер делает глубокий вдох:

— У нас отняли паспорта, Хетти. Если мы захотим уехать, нам придется заплатить, это называется налогом на выезд.

— А что это?

— Деньги, огромная сумма, которую мы должны выложить государству за то, чтобы нас отсюда выпустили. Фактически отдать последнее, что у нас есть. — Вальтер говорит размеренно, неторопливо, точно с маленьким ребенком. — Наш дом, все, что у нас еще осталось ценного. Еврейские предприятия теперь облагаются налогом на уровне тысяча девятьсот тридцатого года, когда их доходность была в десять, двадцать раз выше нынешней. Предпринимателю-еврею не дадут кредит в банке, а если дадут, то процент будет в пять раз выше, чем для немца. А ведь у нас почти не осталось покупателей, считанные единицы, да и те иностранцы. Мы почти банкроты. Отец и дядя продолжают вести дело из чистого упрямства — не хотят признать себя побежденными.

— Мне кажется, ты принимаешь все так, будто государство действует против вас лично, — говорю я. — Но ведь нацисты спасли страну и народ. Ты забыл, что с нами было после той войны. Чем виновата партия, если именно евреи стояли за теми ужасными условиями, на которых нас вынудили подписать мир, именно евреи были виновны в страданиях нашего народа, к которому привел тот мир...

– Неужели ты веришь, что кучка евреев-заговорщиков стояла за каждым из европейских правительств, с которыми Германия подписывала мир в Версале? – Вальтер покраснел. Он злится. Я раздражила тигра. – Если верить нашему фюреру, то евреи везде крайние: коммунизм – их рук дело, капитализм тоже. Две совершенно разные идеологии. Разве такое возможно, Хетти? Как может один народ отвечать за все, что есть на земле плохого? Конечно, легко и просто свалить всю вину на нас, евреев. И обмануть народ тоже ничего не стоит: люди верят тому, чему хотят верить, им не важны доказательства.

Его слова жалят меня, как осы, я съеживаюсь от их беспощадных укусов. И все же он не совсем прав. Мы лично не несем никакой ответственности за то, что его семье сейчас плохо.

– Ты так говоришь, как будто это мой папа виноват во всем. Да люди ему просто завидуют.

Вальтер встает как вкопанный. Его глаза шарят по моему лицу.

– Так ты ничего не знаешь?

– Чего не знаю?

– Как вы поселились в этом доме.

– О чем ты? При чем тут наш дом?

Украл у людей дом и расселся в нем как хозяин.

Не так я представляла себе это утро.

– Ты и правда ничего не знаешь, совсем ничего? – пере-

спрашивает он.

– И что с того? – огрызаюсь я. – Если ты что-нибудь знаешь, так расскажи! Легко тебе обвинять меня в том, что я ничего не знаю, а откуда мне знать, если мне никто ничего не рассказывает?

– Прости. Просто я думал...

– Пожалуйста, расскажи, – повторяю я, уже спокойнее.

Wissen ist macht. Знание – сила.

Мы продолжаем идти бок о бок по пыльной тропе.

Вальтер делает глубокий вдох:

– Дом, в котором сейчас живете вы, раньше принадлежал одной еврейской семье. Знакомым моих родителей. Только они были куда богаче нас и влиятельнее. Герр Дрюкер был непосредственным начальником твоего отца. Он был владельцем и главным редактором «Ляйпцигера». Но национал-социалистам не нравится, когда евреи контролируют прессу. Вот почему группа влиятельных людей – твой отец и мэр города среди них – собралась и сострепала заговор против Дрюкера. Его обвинили в коррупции, неуплате налогов и всяком таком. Ничего из этого не было правдой. Дело передали в суд, где оно попало к судье Фуксу, ярому стороннику наци. Он с радостью вынес герру Дрюкеру обвинительный приговор.

– Нельзя просто так обвинять людей в таких ужасных делах! – выкрикиваю я. – Почему я вообще должна тебе верить?

– Ты не должна. Но правда всегда неудобна. – Его глаза глядят на меня честно. И неумолимо.

Неужели то, что он говорит, – правда? Или кто-то его убедил, что это правда?

Я перевожу взгляд вдаль, на золотое море пшеницы, и вспоминаю день нашего переезда. Дом уже был меблирован, полон картин, хрусталя и даже столового серебра. И вдруг головоломка складывается: люди не бросают дорогие и явно любимые вещи, когда просто переезжают из одного места в другое.

– А что с ними стало, с Дрюкерами? – спрашиваю я. – Где они теперь?

– Понятия не имею. Наверное, уехали куда-нибудь из Германии.

– Откуда ты все это знаешь?

– В тот день, когда мой отец рассказал мне о том, что случилось, я впервые почувствовал страх. И стыд.

– Стыд?

– Я хотел быть как все. Как Карл, я хотел вступить в гитлерюгенд и служить Германии. И не понимал, почему я должен быть исключением.

Я смотрю на него, а он на меня. Мне так хочется ему доверять.

Отвожу взгляд.

Страшно поверить в его рассказ. Совсем не хочется.

Что-то сжимается у меня в груди, и я чувствую, что боль-

ше не могу слушать об этом.

– То, что ты мне сейчас рассказал, – это искаженная версия правды. Папа упорным трудом заработал все, что у него есть. Он не какой-нибудь... лентяй или тунеядец. Так что ты наверняка ошибаешься, Вальтер. Тебя кто-то обманул.

– Хетти, разве я стал бы тебе лгать о таких серьезных вещах? К тому же я ничего не выигрываю, рассказав тебе правду, а потерять могу очень многое. Сама подумай.

Я смотрю на реку, которая катит свои воды между зелеными берегами.

– Ты лучше многих знаешь, что власть делает с теми, кто отваживается выступить против нее. Их отправляют в концлагеря. Без суда и следствия. На тяжкий труд в невыносимых условиях. На неопределенное время. Ходят слухи, что там людей даже казнят. По крайней мере, при попытке бегства расстреливают точно. Совсем недавно СС открыли новый лагерь недалеко отсюда, под Веймаром. Так зачем мне рисковать своей головой и рассказывать тебе неправду о твоём папе? Я же знаю, тебе достаточно сказать ему одно слово – и...

– Нет, Вальтер, ничего подобного! – выпаливаю я. – К тому же я почти ничего не знаю об этих лагерях. Папа ничего о них не рассказывает. По крайней мере, мне.

Из пшеницы на краю поля выскакивает Куши, подбегает, тычется мокрым носом мне в ладонь. Некоторое время он бежит рядом, я наклоняюсь, чтобы почесать его за ушами,

и он снова скачками уносится в поле, а занавес из колосьев, покачиваясь, смыкается за ним.

– Но если ты все знал уже тогда, то почему ничего не говорил? – спрашиваю я. – Почему продолжал дружить с Карлом, приходить к нам в дом?

Вальтер вздыхает:

– Потому что я был идиотом. Скрывал от родителей, что вечно толкусь у вас в доме. Они бы с ума сошли от злости, если бы узнали. Но я так стыдился тогда, что я еврей, и никому не говорил об этом, а Карл долго ни о чем не догадывался. Потом, правда, догадался. Я ведь не похож на еврея, вот он ничего и не подозревал, а я вел себя как все немецкие мальчишки, потому что мне хотелось быть одним из них. Но потом Карл вступил в гитлерюгенд, а я – нет. Вот тут он все и понял. И просто перестал общаться со мной, как отрезал. Без всяких объяснений. – Плотнo сжав губы, Вальтер, как в детстве, топает ногой. – Да и нечего было объяснять, я тоже все понял.

Мы идем и молчим. Я думаю о нашем большом красивом доме, которым всегда так гордилась. И о папе. О папе, который зовет меня Шнуфель, который любит меня. А еще он любит рассказывать нам о том, как преуспел в жизни. И все благодаря тому, что, не жалея сил, честно трудится на благо Германии, которая станет великой, когда злые, себялюбивые евреи сгинут без следа и даже духу их чуждой, низкопробной морали не останется на нашей земле.

А на самом деле он «расселся в чужом доме, точно хозяин»? Неужели так оно и есть?

Вальтер бросает взгляд на часы:

– Надо возвращаться. Мне, конечно, не хочется, но...

Мы уже на краю поля. Дальше тропа ныряет в лес, где между деревьями еще прячется ночь.

– Да. Мне тоже пора.

И мы поворачиваем назад, чтобы вернуться тем же путем, каким пришли. Мимо вприпрыжку проносится Куши: пока он бегал по полю, длинные пшеничные стебли набились ему под ошейник. Теперь они раскачиваются на бегу, точно большой золотистый воротник, и вид у песика комичный. Мы начинаем хохотать, и напряжение между нами сразу спадает. Воздух очищается, утро опять становится мирным, звенит пением птиц и благоухает ароматами конца лета.

У моста мы встаем лицом друг к другу. Я кладу руку на каменную ограду моста, глажу пальцами ее шершавую поверхность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.